

Подготовка текста Е. И. Ванеевой и Я. С. Лурье, перевод Я. С. Лурье и О. В. Творогова, комментарии Я. С. Лурье

БЛАГОЧЕСТИВАГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО ВЕЛИКИЯ
РОСИИ ГОСУДАРСТВО НА КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВЪ, КНЯЗЯ АНДРЕЯ
МИХАЙЛОВИЧА КУРБСКОГО С ТОВАРЫЩИ, О ИХЪ ИЗМЪНЕ

БЛАГОЧЕСТИВОГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕЯ
РУСИ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО ВЕЛИКОЙ РОССИИ
ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВ, КНЯЗЯ АНДРЕЯ
МИХАЙЛОВИЧА КУРБСКОГО С ТОВАРИЩАМИ, ОБ ИХ ИЗМЕНЕ

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый и нынѣ есть, Отець и Сынъ и Святыи Духъ, ниже начала имѣеть, ниже конца, о немже живемъ и движемся, имже царие величаются и силнии пишут правду, иже дана бысть едиnorodнаго слова Божия Иисусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная хоругвь — крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестии царю Константину^[1] и всѣмъ православнымъ царемъ и содержителемъ православия. Понеже смотрения Божия слова всюду исполняшеса, и божественнымъ слугамъ Божия слова всю вселенную, яко же орли летаниемъ, обтекше, даже искра благочестия доиде и до Росийскаго царствия. Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство Божиимъ изволениемъ поченъ от великого князя Владимира, просвѣтившаго Рускую землю святымъ крещениемъ, и великого князя Владимира Мономаха, иже от грекъ высокодостойнѣйшую честь приимшу,^[2] и храбраго великого государя Александра Невскаго, иже над безбожными нѣмцы велию побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великого государя Димитрия,^[3] иже за Дономъ над безбожными агаряны велию победу показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великого государя Иоанна, и закоснѣннымъ прародителствія землямъ обрѣтателя, блаженнаго памяти отца нашего великого государя Василия, даже доиде и до насъ, смиренныхъ, скипетромъ держания Росийскаго царствия. Мы же хвалимъ Бога за премногую его милость, произшедшую на насъ, еже не попусти доселе десницъ нашихъ единоплеменную кровию обогрѣтися, понеже не восхотѣхомъ ни под кимъ же царства, но Божиимъ изволениемъ и прародителей своихъ и родителей благословениемъ, яко же родихомся в царствии, тако и воспитахомся и возрадохомъ и воцарихомся Божиимъ велѣниемъ, и прародителей своихъ и родителей благословениемъ свое взяхомъ, а чюжого не восхотѣхомъ. Сего православнаго истиннаго христьянскаго самодержавства, многими владычествами владѣющаго, повелѣния, нашъ же христьянский смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христьянства и нашего самодержавия боярину и совѣтнику и воеводе, нынѣ же крестопреступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христьянскому, и ко врагомъ христьянскимъ слагателю,

отступшему божественнаго *иконнаго* поклонения и поправшему вся священная повелѣния, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священныя сосуды и *образы*, яко же Исавръ, Гноетезный, Арменинъ,^[4] и симъ всимъ соединителю, — князю Андрею Михайловичю Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти ярославскому владыце,^[5] вѣдомо да есть.

Бог наш Троица, прежде всех времен бывший и ныне сущий, Отец и Сын и Святой Дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, именем которого цари прославляются и властители пишут правду; Богом нашим Иисусом Христом дана была едиnorodного слова Божия победоносная и вовеки непобедимая хоругвь — крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и божественные слуги слова Божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по Божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отомстителя за неправды — деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас пребывает, смиренных скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим Бога за безмерную его милость, ниспосланную нам, что не допустил он донныне, чтобы десница наша обгалялась кровью единоплеменников, ибо мы не возжелали ни у кого отнять царства, но по Божию изволению и по благословию прародителей и родителей своих как родились на царстве, так и воспитались и возмужали, и Божиим повелением воцарились, и взяли нам принадлежащее по благословию прародителей своих и родителей, а чужого не возжелали. Этого истинно православного христианского самодержавия, многою властью обладающего, повеление и наш христианский смиренный ответ бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину, и советнику, и воеводе, ныне же — отступнику от честного и животворящего креста Господня и губителю христиан, и примкнувшему к врагам христианства, отступившему от поклонения божественным иконам, и поправшему все священные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священныя сосуды и образы, подобно Исавру, Гноетезному и Армянину, их всех в себе соединившему — князю Андрею Михайловичю Курбскому, изменнически пожелавшему стать ярославским князем, — да будет ведомо.

Почто, о княже, аще *мнишися* благочестие имѣти, едиnorodную свою душу отвергль еси? Что же *даси* на ней измѣну в день Страшнаго суда? Аще и весь миръ приобрящеши, послѣди смерть всяко восхититъ *тя*; чесо ради на тѣле душу предаль еси, аще убоялся еси смерти, по своихъ бесоизвыкшихъ друзей и назирателей ложному ихъ слову? И всюду, яко же бѣси на весь миръ, тако же и ваши изволившия

быти друзи и служебники,^[6] насъ же отвергшеса, преступивше крестное целование, бесовъ подражающе, на насъ многоразличными виды всюду стѣти поляцающе и бѣсовскимъ обычаемъ насъ всячески назирающе, блюдуще глаголанія и хождения, мняще насъ аки безплотныхъ быти,^[7] и от сего многая сшивающе на насъ поношения и укоризны, и во весь миръ позорующихъ и к вамъ приносяще. Вы же имъ воздарие многое за сие злодѣйство даровали есте нашу же землю и казною, называючи ихъ ложно слугами; и ото сихъ бесовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна смертоносна, възъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разорение стали есте. Не мни праведно быти: възъярився на человекѣка и Богу приразитися; ино бо человекѣско есть, аще перфиру носитъ, ино же Божественно есть. Или мниши, окаянне, како убереchися того? Никако же! Аще ти с ними воеватися, тогда ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестяны погубляти; аще и руками гдѣ не дерзнеши, но мыслию яда своего смертоноснаго много сиа злобы сотвориши.

Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою едиnorodную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя; зачем ради тела душой пожертвовал, если устранился смерти, поверив лживым словам своих бесами наученных друзей и советчиков? И повсюду, как бесы во всем мире, так и изволившие стать вашими друзьями и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаю бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных, и посему возводят на нас многочисленные поклепы и оскорбления, приносят их к вам и позорят нас на весь мир. Вы же за эти злодеяния раздаете им многие награды нашей же землей и казной, заблуждаясь, считаете их слугами, и, наполнившись этих бесовских слухов, вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это справедливо — разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело — человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое дело — Бог. Или мнишь, окаянный, что убережешься? Нет уж! Если тебе придется вместе с ними воевать, тогда придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; если где и руками не дерзнешь, то там много зла принесешь и смертоносным ядом своего умысла.

Помысли же, како браннымъ пришествиемъ мяхкая младенческая удеса конскими ногами стираема и разтерзаема! Егда убо зимѣ належащи, сиа наипаче злоба совершается. И сие убо твое злобесное измѣнное собацкое умышление како не уподобится Иродовому злomu неистовству, еже во младенцехъ убийство показа? Сие ли убо мниши быти благочестие, еже сицевая творити злая? Аще ли же насъ глаголеши воющихъ на крестяны, еже на германы и литаоны^[8] — ино нѣсть сие, нѣсть. Аще бы и крестяне были в тѣхъ странахъ, и мы воюемъ по прародителей своихъ обычаю, яко же и прежде сего многжды случилося; нынѣ же вѣмы, в тѣхъ странахъ нѣсть крестяны,^[9] развѣ малѣйшихъ служителей церковныхъ и сокровенныхъ рабъ Господнихъ. К сему убо и литовская брань учинилася вашею измѣною и недобротствомъ и нерадѣниемъ^[10] безсовѣтнымъ.

Представь же себе, как во время военного нашествия конские копыта попирают и давят нежные тела младенцев! Когда же зима наступает, еще больше жестокостей совершается. И разве твой злобесный собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев? Это ли считаешь благочестием — совершать такие злодеяния? Если же ты возразишь, что мы тоже воюем с христианами — германцами и литовцами, то это совсем не то. Если бы и христиане были в тех странах, то ведь мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно бывало; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких церковных служителей и тайных рабов Господних. Кроме того, и война с Литвой вызвана вашей же изменой, недоброжелательством и легкомысленным небрежением.

Ты же тѣла ради душу погубилъ еси, и славы ради мимотекуция нетлѣнную славу презрѣлъ еси, и на челоуѣка възъярився, на Бога възсталъ еси. Разумѣй же, бѣдникъ, от каковыя высоты и в какову пропасть душею и тѣломъ спшелъ еси! Збытсья на тебѣ реченное: «Иже имѣя мнится, взято будетъ от него». [11] Се твое благочестие, еже самолюбия ради погубилъ ся еси, а не Бога ради? Могутъ же разумѣти и тамо сущии и разумъ имуще твой злобный ядъ, яко славы ради сея маловременныя жизни скоротекущаго вѣку и богатства ради сие сотворилъ еси, а не от смерти бѣгая. Аще праведенъ и благочестивъ еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, [12] еже нѣсть смерть, но приобрѣтение? Последи же всяко умрети же. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отречения смертнаго, по твоихъ друзѣй, сотонинскихъ слугъ, злодѣйственному солганию, се убо явно есть ваше измѣнное умышление от начала и до нынѣ. Почто же апостола Павла презрѣлъ еси, якоже рече: «Всяка душа владыкамъ превладѣющимъ да повинуется; никоя же бо владычества, яже не от Бога, учиненна суть: тѣмъ же противляйся власти Божию повелѣнию противится». [13] Смотри же сего и разумѣй, яко противляйся власти Богу противится; аще убо кто Богу противится, — сей отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшение. Сие же убо реченно бысть о всякой власти, еже убо кровми и бранми приемлюще власти. Разумѣй же реченное, яко не восхищениемъ прияхомъ царство; тѣмъ же наипаче противляйся власти Богу противится. Тако же и апостоль Павелъ рече, ты же и сия словеса презрѣлъ еси: «Раби, послушайте господий своихъ, не перед очима точию работающе, яко челоуѣкомъ угодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совесть». [14] Се бо есть воля Господня, еже благое творяще пострадати. [15] И аще праведенъ еси и благочестивъ, про что не изволилъ еси от мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылось на тебе сказанное: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе — злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в той кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался

безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а дар благой? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоился смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты презрел слова апостола Павла, который сказал: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится Божьему повелению». Посмотри на это и вдумайся: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу — тот именуется отступником, а это наихудшее из согрешений. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой кровью и войнами. Вдумайся в сказанное, ведь мы не насилием добыли царства, тем более поэтому, кто противится такой власти — противится Богу. Тот же апостол Павел сказал (и этим словам ты не внял): «Рабы, слушайте своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Но это уж воля Господня, если придется пострадать, творя добро. Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивного владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?

Но ради привременныя славы, и самолюбия, и сладости мира сего все свое благочестие душевное со крестиянскою вѣрою и з закономъ попраля еси, уподобился еси сѣмени, падающему на камени и возрастшему; [16] возсиявшу же солнцу со зноемъ, абие словесе ради ложнаго соблазнился еси, и отпаль еси и плода не сотворилъ еси; и по ложныхъ словесѣхъ убо, подобно на пути падающему сѣмени, сотворилъ еси, еже убо всѣявше слово к Богу вѣру истинну и к намъ прямую службу — сие убо врагъ все из сердца твоего изхитилъ есть и сотворилъ в своей воли ходити. Тѣмъ же и вся Божественная Писания исповѣдують, яко не повелѣвають чадомъ отцемъ противитися, а рабомъ господиямъ кромѣ вѣры. Аще убо сие от отца твоего, диявола, восприимъ, много ложными словесы своими сплетаеши, яко вѣры ради избѣжалъ еси — и сего ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя, [17] — яко не токмо ты, но и всѣ твои согласники, бѣсовские служители, не могутъ в насъ сего обрести. Паче же уповаемъ, Божия слова воплощениемъ и пречистыя его матери, заступницы христианския милостию и всѣхъ святыхъ молитвами, не токмо тебѣ сему отвѣтъ дати, но и противу поправшихъ святыя иконы, и всю христианскую божественную тайну отвергшимъ, и Бога отступльшимъ (к нимъ же ты любительнѣ совокупился еси), словесъ сихъ нечестие *изобличити* и благочестие явити и воспроповѣдати, яко же благодать возсия.

Но ради преходящей славы, себялюбия, радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом, ты попраля, уподобился семени, брошенному на камень и выросшему; когда же воссияло знойное солнце, тотчас же, из-за одного ложного слова, поддался ты искушению, и отвергся, и не вырастил плода; из-за лживых слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там истинную веру в Бога и преданную службу нам и подчинил тебя своей воле. Потому и все Божественные Писания наставляют в том, что дети не должны противиться родителям, а рабы господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись у отца своего, дьявола, всякое лживыми словами

своими сплетаешь, будто бы бежал от меня ради веры, то — жив Господь Бог мой, жива душа моя — в этом не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, не смогут нас обвинить. Но более всего уповаем — воплощения Божьего слова и пречистой его Матери, заступницы христианской, милостью и молитвами всех святых — дать ответ не только тебе, но и тем, кто попрали святыне иконы, отвергли христианскую Божественную тайну и отступил от Бога (ты же с ними полюбовно объединился), обличить их словом, и провозгласить благочестие, и объявить, что воссияла благодать.

Како же не устрамишися раба своего Васки Шибанова? [18] Еже убо онъ свое благочестие соблюде, пред царемъ и пред всѣмъ народомъ, при смертныхъ врагѣхъ стоя, и крестнаго ради целования тебе не отвержеся и похваляясь всячески, умрети за тебе тщашеся. Ты же убо сего благочестию не поревновалъ еси: единого ради малаго слова гнѣвна не токмо свою едину душу, но и своихъ прародителей души погубилъ еси, понеже Божиимъ изволениемъ дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ в работу, и они, давъ свои души, и до своей смерти служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити дѣда нашего дѣтямъ и внучатомъ. И ты то все забылъ еси, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступивъ крестное целование, ко врагомъ христианскимъ соединился еси; и к тому, своя злобы не разсмотря, сицевыми скудоумными глаголы, яко на небо камениемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего благочестия не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыце отвергся еси.

Как же ты не стыдишься раба своего Васки Шибанова? Он ведь сохранил свое благочестие, перед царем и перед всем народом стоя, у порога смерти, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя всячески и вызываясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то незначительного гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков, — ибо по Божьему изволению Бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили до своей смерти и завещали вам, своим детям, служить детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушив крестное целование, присоединился к врагам христианства; и к тому же еще, не подумав о собственном злодействе, нелепости говоришь этими неумными словами, будто в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить подобно ему перед своим господином.

Писание же твое приято бысть и уразумлено внятено. Понеже бо еси положилъ ядъ аспидень под устнами своими, наполнено убо меда и сота по твоему разуму, горчайши же пелыни обрѣтающесе; пророку глаголющему: «Умякнуша словеса ихъ паче елеса, и та суть стрѣлы». [19] Тако ли убо навиклъ еси, кристианинъ будучи, кристианскому государю подобно служити? И тако ли убо честь подобна воздаяти от Бога данному владыце, якоже ты бѣсовскимъ обычаемъ ядъ отрыгаеши? Начало убо твоего писания, еже убо разумеваея написалъ еси, навацкое помышляя, еже убо не о покаянии, но выше челоуѣческаго естества мниши челоуѣкомъ быти, якоже и Наватъ. А еже убо насъ «во православие и во пресвѣтлыхъ явившася» написалъ еси, и сие убо тако и есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрою истинною, Богу живу и

истинну. А еже убо «супротивнымъ, разумѣваяй совесть прокаженну имущу»,^[20] се убо навацкое помышляеши, и не разсуждаеши еуаггельского слова. (...)

Писание твое принято и прочитано внимательно. А так как змеиный яд таишь ты под языком своим, то хотя письмо твое по хитрости твоей наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: «Слова их мягче еля, но подобны они стрелам». Так ли привык ты, будучи христианином, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от Бога данному, как делаешь ты, изрыгая яд по обычаю бесовскому? Начало своего письма ты написал, размышляя о наватской ереси, думая не о покаянии, а — подобно Навату — о том, что выше человеческой природы. А когда ты про нас написал: «среди православных и среди пресветлых явившемся», — то это так и есть: как в прошлом, так и сейчас веруем верой истинной в истинного и живого Бога. А что до слов «сопротивным, разумеющий совесть прокаженную имея», то тут ты по-наватски рассуждаешь и не думаешь об евангельских словах.<...>

Ино се ли «совесть прокаженна», яко *свое* царство в своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? И се ли «сопротивень разумъ», еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? Се ли «православия пресвѣтлое», еже рабы обладаему и повелеваему быти?

Разве это и есть «совесть прокаженная» — держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? Это ли «против разума» — не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли «православие пресветлое» — быть под властью и в повиновении у рабов?

Сие убо о внѣшнихъ; о душевныхъ же и о церковныхъ аще и есть мало нѣкое согрешение, но и сие от вашего же соблазна и измѣны, паче же убо и человекъ есми: нѣсть бо человекъ без греха, токмо Богъ единъ; а не яко же ты, еже мнишися быти выше человекъ, со агелы равенъ. А о безбожныхъ языцехъ, что и глаголати! Понеже тѣ всѣ царствии своими не владѣютъ: какъ имъ повелѣть работные ихъ, тако и владѣютъ. А Российское самодержавство изначала сами владѣютъ своими государствами, а не бояре и велможи! И того в своей злобе не могъ еси разсудити, нарицая благочестие, еже подо властью нарицаемаго попа^[21] и вашего злочестия повелѣния самодержавству быти. А се по твоему разуму «нечестие», еже от Бога данные намъ власти самѣмъ владѣти и не восхотѣхомъ подо властью быти попа и вашего злодѣяния? Се ли разумѣваемая «супротивъ», яко вашему злобесному умышлению тогда Божиею милостию и пречистые Богородицы заступлениемъ и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей своихъ благословениемъ погубити себя не даль есми? А какова злая от васъ тогда пострадахъ, сие убо пространнѣйши напреди словомъ известить.

Это все о мирском; в духовном же и церковном если и есть некий небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены, кроме того, и я человек: нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен; а не так как ты — считаешь себя выше людей и равным ангелам. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же

самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! И этого в своей озлобленности не смог ты понять, считая благочестием, чтобы самодержавие подпало под власть известного тебе попа и под ваше злодейское управление. А это по твоему рассуждению «нечестие», когда мы сами обладаем властью, данной нам от Бога, и не хотим быть под властью попа и вашего злодейства? Это ли мыслится «супротивно», что вашему злобесному умыслу тогда — Божьей милостью, и заступничеством пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и родительским благословением — не дал погубить себя? Сколько зла я тогда от вас претерпел, обо всем это подробнее дальнейшие слова известят.

Аще ли же о семь помышляеши, яко церковное предстояние не тако и играмъ бытие, [22] се убо вашего же ради лукаваго умышления бысть, понеже мя исторгосте от духовнаго покойнаго жития и бремя фарисейскимъ обычаемъ бѣдне носима на мя наложисте, сами же ни единымъ перстомъ не прикоснустесь; и сего ради церковное предстояние не твердо, ово убо ради царскихъ правлений, еже вами разрушенно, ово же вашихъ злолукавыхъ умышлений бѣгая. Играмъ же — сходя немощи челоуѣчестей, понеже многъ народъ в слѣдъ своего пагубнаго умышления отторгосте, и того ради — яко же мати дѣтей пуцаетъ глумления ради младенства, и егда же совершени будутъ, тогда сия отвергнуть или убо от родителей разумомъ на уншее возведутся, или яко же Израилю Богъ попусти, аще и жертвы приносити, токмо Богови, а не бесомъ, — того ради и азъ сие сотворихъ, сходя к немощи ихъ, точию дабы насъ, своихъ государей, познали, а не васъ, изменников. И чимъ у васъ извыкли прохлажатися?

Если же ты вспоминаешь о том, что в церковном предстоянии что-то не так было и что игры бывали, то ведь это тоже было из-за ваших коварных замыслов, ибо вы отторгли меня от спокойной духовной жизни и по-фарисейски взвалили на меня едва переносимое бремя, а сами и пальцем не шевельнули; и поэтому было церковное предстояние нетвердо, частью из-за забот царского правления, вами подорванного, а иногда — чтобы избежать ваших коварных замыслов. Что же до игр, то лишь снисходя к человеческим слабостям, ибо вы много народа увлекли своими коварными замыслами, устраивал я их для того, чтобы он нас, своих государей, признал, а не вас, изменников, подобно тому как мать разрешает детям забавы в младенческом возрасте, ибо когда они вырастут, то откажутся от них сами или, по советам родителей, к более достойному обратятся, или подобно тому как Бог разрешил евреям приносить жертвы, — лишь бы Богу приносили, а не бесам. А чем у вас привыкли забавляться?

И се ли «супротивно явися», еже вамъ погубити себя не даль есми? А ты о чемъ сопротивно разумѣ души своей и крестное целование ни во что же вмѣнилъ еси, ложнаго ради страха смертнаго? Самъ убо сего не твориши, намъ же сие совѣтуеши! И сие убо навацкое и фарисейское мудрствуеши: наватское убо, еже выше естества челоуѣческаго велиши челоуѣкомъ быти, фарисейское же, еже самъ не творя, инымъ повелеваеши творити. Паче же сия поносы и укоризны, яко же исперва начали есте, тако и нынѣ не престаете, всяческимъ образомъ *дивяго зверя* разпыхаяся, измѣну свою совершаете: се ли ваша прямая и добротная служба, еже поношати и

укорять? Бесному подобяшеся *колеблетеся* и Божий судъ восхищающе и прежде Божия суда своимъ злодукавымъ самохотнымъ изложениемъ, яко же с своими начальники, с попомъ и Алексѣемъ, [23] изложили есте, собацки осуждающе. И сего ради Богу противни являющеся, како и святыхъ всѣхъ преподобныхъ, иже в постѣ и в подвижѣ просиявшихъ, милование, еже ко грѣшнымъ, отвергосте; много бо в нихъ обрящещи падшихъ и возставшихъ (восстание не бѣдно!) и страждущимъ руку помощи подавше, и от рва согрешения миловательнѣ возведшихъ, по апостолу, «яко братию, я не яко враговъ имуще», [24] — еже ты отвергль еси! И якова *они* бо от бесовъ *пострадаша*, таковая азъ же от васъ *пострадахъ*.

В том ли «супротивным явился», что я не дал вам погубить себя? А ты зачем против разума душу свою и крестное целование ни во что счел, из-за мнимого страха смерти? Советуешь нам то, чего сам не делаешь! По-наватски и по-фарисейски рассуждаешь: по-наватски потому, что требуешь от человека большего, чем позволяет человеческая природа, по-фарисейски же потому, что, сам не делая, требуешь этого от других. Но всего более этими оскорблениями и укорами, которые вы как начали в прошлом, так и до сих пор продолжаете, ярясь как дикие звери, вы измену свою творите — в этом ли состоит ваша усердная и верная служба, чтобы оскорблять и укорять? Уподобляясь бесноватым, дрожите и, предвосхищая Божий суд, и, прежде его, своим злодукавым и самовольным приговором со своими начальниками, с попом и Алексеем, осуждаете меня, как собаки. И этим вы стали противниками Богу, а также и всем святым и преподобным, прославившимся постом и подвигами, отвергаете милосердие к грешным, а среди них много найдешь падших, и вновь возставших (не позорно подняться!), и подавших страждущим руку, и от бездны грехов милосердно отведших, по апостолу, «за братьев, а не за врагов их считая», ты же отвернулся от них! Так же как эти святые страдали от бесов, так и я от вас пострадал.

Что же, собака, и пишеши и болѣзнуешь, совершивъ такую злобу? Чему убо совѣтъ твой подобенъ, паче кала смердѣй? Или мниши праведно быти, еже от единомысленниковъ твоихъ злобесныхъ учинено, еже иноческое одѣяние свергше и на крестьянѣ воевати? Или се есть вамъ на отвѣщание, яко неволное пострижение? Ино нѣсть се, нѣсть. Како убо Лѣствичникъ [25] рече: «Видѣхъ неволею ко иночеству пришедшихъ, паче волныхъ исправившихся». Чесо убо сему слову не подражасте, аще благочестиви есте? Много же и не в Тимохину версту [26] обрящещи, тако же постриженныхъ, и не поправшихъ иноческаго образа, глаголю бо и до царей. Аще ли кои дерзнуша тако сотворити, ничимъ же себе ползоваша, но паче в горшая душевная и тѣлесныя погибели приидоша, яко же князь великий Рюрикъ Ростиславичъ Смоленский постриженъ от зятя своего Романа Галическаго. Смотри же благочестия княгини его: восхотѣвшу ему взяти ея из неволнаго пострижения, она же не восхотѣ мимотекущаго царствія, но паче желая нетлѣннаго, пострижеся и в схиму; онъ же убо, розстригшися, много крови христіанскія пролия и святыя церкви и монастыри пограби, и игуменовъ и поповъ и чернцовъ помучи, и до конца княжения удержати не возможе, но имя его без вести бысть. (...)

Что же ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься? Чему подобен твой совет, смердящий хуже кала? Или, по-твоему, праведно поступили твои злобесные единомышленники, сбросившие монашескую одежду и воюющие против христиан? Или готовитесь ответить, что это было насильственное пострижение? Но не так это, не так! Как говорил Иоанн Лествичник: «Видел я насильственно обращенных в монахи, которые стали праведнее, чем постригшиеся добровольно». Что же вы этому слову не последовали, если благочестивы? Много было насильно постриженных и лучше Тимохи даже среди царей, а они не оскверняли иноческого образа. Тем же, которые дерзали расстричься, это на пользу не пошло — их ждала еще худшая гибель, духовная и телесная, как было с князем Рюриком Ростиславичем Смоленским, постриженным по приказу своего зятя Романа Галичского. А посмотри на благочестие его княгини: когда он захотел освободить ее от насильственного пострижения, она не пожелала преходящего царства, а предпочла вечное и приняла схиму; он же, расстригшись, пролил много христианской крови, разграбил святые церкви и монастыри, игуменов, попов и монахов истязал и в конце концов не удержал своего княжения, и даже имя его забыто.<...>

Како же сего не могль еси разсудити, яко подобаетъ властелемъ не звѣрски яритися, ниже безсловесно смиратися? Якоже рече апостоль: «Овехъ убо милуйте разсуждающе, овехъ же страхомъ спасайте, от огня восхищающе». [27] Видиши ли, яко апостоль страхомъ повелѣваетъ спасати? Тако же и во благочестивыхъ царѣхъ и временехъ много обрящещи злѣйшее мучение. Како убо, по твоему безумному разуму, одинако быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татие мукамъ неповинни суть? Паче же и злѣйша сихъ лукавая умышления! То убо вся царствія нестроении и межоусобными бранми разлятъся. И тако ли убо пастьрю подобаетъ еже не разсмотряти о неустроении о подовластныхъ своихъ? (...)

Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиратися? Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать несогласия своих подданных?<...>

Сие ли убо «супротивно разуму», еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и в царѣхъ великого Константина: како царствія ради сына своего, *рожденнаго* от себе, убилъ есть. [28] И князь Феодоръ Ростиславичъ, [29] прародитель вашъ, в Смоленсѣ на Пасху колики крови пролиалъ есть. И во святыхъ причитаются. (...) Всегда бо царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же яримъ; ко благимъ убо милость и кротость, ко злему же ярость и мучение, аще ли сего не имѣя, нѣсть царь. Царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ. Хощеши

ли не бояться власти, то благое твори; аще ли зло твориши, бойся, не бо туне мечь носить — в мечь убо злодѣемъ, в похвалу же добродѣемъ. Аще благъ еси и правъ, почто, имѣя в сиклите пламени паляща, не погасилъ еси, по паче разжегль еси? Гдѣ было ти совѣтомъ разума своего злодѣйственный совѣтъ^[30] исторгнути, ты же убо болми плевела наполнилъ еси. И збысться на тебѣ пророческое слово: «Се всѣ вы огонь жжете, и ходите по совѣту в пламени огня вашего, егоже сами себѣ разжгосте».^[31] Како ли убо ты не со Июдою предателемъ равно причтешися! Яко же убо онъ на общаго владыку всѣхъ богатства ради возбесися и на убиение предасть со ученики убо водворяшеса, со иудеи же веселяшеса, такоже убо и ты, с нами же убо пребывая, и хлѣбъ нашъ ядыше, и намъ служити солаголаше, на насъ же вся злая в сердца собираше. Тако ли убо исправилъ еси крестное целование, еже хотѣти добра во всемъ безо всякия хитрости? И что убо твоего злаго умышления злѣе? Якоже рече премудръ: «Нѣсть главы, паче главы змиевы»,^[32] паче же нѣсть злѣе злобы твоей. (...)

Разве же это «супротив разума» — сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он ради царства сына своего, им же рожденного, убил! И князь Федор Ростиславич, прародитель ваш, сколько крови пролил в Смоленске во время Пасхи! А ведь они причислены к святым.<...> Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими; добрым же — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки, если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег? Где тебе следовало разумным советом уничтожить злодейский замысел, там ты еще больше посеял плевел. И сбылось на тебе пророческое слово: «Вы все разожгли огонь и ходите в пламени огня вашего, который вы сами на себя разожгли». Разве ты не сходен с Иудой-предателем? Так же как он ради денег разъярился на владыку всех и отдал его на убиение, находясь среди его учеников, а веселясь с иудеями, так и ты, живя с нами, ел наш хлеб и нам служить обещался, а в душе копил злобу на нас. Так-то ты соблюл крестное целование желать нам добра во всем без всякой хитрости? Что же может быть подлее твоего коварного умысла? Как говорил премудрый: «Нет головы злее головы змеиной», также и нет злобы злее твоей.<...>

Или мниши сие свѣтлость благочестива, еже обладатися царству от попа невѣжи^[33] и от злодѣйственныхъ *изменныхъ* чловѣкъ и царю повелеваему быти? И сие ли «супротивно разуму и совесть прокаженна», еже невѣжу взустити и злодѣйственныхъ чловѣкъ возразити, и от Бога данному царю воцаритися? Нигдѣ же бо обрящеши, еже не разоритися царству, еже от поповъ владому. Ты же почто ревнуеши — иже во грецехъ царствие погубиша и туркомъ повинующимся?^[34] Сию убо погибель и намъ совѣтуеши? И сия убо погибель на твою главу паче да будет! (...)

Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников, а царь им повинуется? А это, по-твоему, «супротивно разуму и прокаженная совесть», когда невежда вынужден молчать,

злодеи отражены и царствует Богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам? Это ты нам советуешь? Так пусть эта погибель падет на твою голову! <...>

Или убо сие свѣтъ, яко попу и прегордымъ лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо председаниемъ и царскою честию почтенну быти, властию же ничимъ же лучши быти раба? А се ли тма, яко царю *содержати* царство и владѣти, рабомъ же рабская *содержати* повеленная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строит? (...)

Неужели же это свет — когда поп и лукавые рабы правят, царь же — только по имени и по чести царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?<...>

Речеши ли убо, яко едино слово обращаю пишу? Понеже бо есть вина и главизна всѣмъ дѣломъ вашего злобеснаго умышления, понеже с попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы б с попомъ дѣломъ. Сего ради вся сия случишася, понеже и донынѣ не престаете, умышляюще совѣты злыя. Воспомяни же, егда Богъ извождаше Израиля из рабства, егда убо священника постави владѣти людми, или многихъ рядниковъ? Но единого Моисея, яко царя, постави владателя над ними; священствовати же ему не повелѣнно, Аарону, брату его, повелѣ священствовати,^[35] людскаго же строения ничего не творити; егда же Ааронъ сотвори людскии строи, тогда от Господа люди отведе. Смотри же сего, яко не подобаетъ священникомъ царская творити. (...)

Скажешь, что я, переворачивая единое слово, пишу все одно и то же? Но в том-то причина и суть всего вашего злобесного замысла, ибо вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы бы с попом — на деле. Потому все так и случилось, что вы до сих пор не перестаете строить злодейские козни. Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве он поставил перед ними священника или многих управителей? Нет, он поставил владеть ими одного царя — Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога. Заключение из этого, что не подобает священнослужителям братья за дела правления.<...>

Смотри же убо се и разумѣй, како управление составляется в разныхъ началехъ и властехъ, понеже убо тамо быша царие послушны епархомъ и синклитомъ, и в какову погибель приидоша. Сия ли убо и намъ совѣтуеши, еже к таковѣй погибели приити? И сие ли убо благочестие, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ челоуѣкъ не взустити, и к разорению иноплеменныхъ подати? Или речеши ми, яко святителская поучения тамо приимаху? Ей благо и прикладно! Но ино убо еже свою душу спасати, ино же многими душами и телесы пецися; ино убо есть постническое пребывание, ино же во общемъ житии сожитие, ино же святителская власть, ино царско правление. Постническое пребывание подобно агньцу, непротивну никому

же, или яко птице, иже ни съявшу, ни жнущу, ни в житницу собирающу; во общемъ убо житии, аще и мира отрекшимся, но обаче строения и попечения имбють, тако же и наказание, аще ли сего невнимателни будутъ, то общее житие разорится; святителская же власть требуетъ зѣлаго запрещенія языкомъ по благословнѣй же винѣ и ярости, славы и чести и украшения, и председанія, еже инокомъ неприлично; царскому же правленію — страха, и запрещенія, и обузданія, и конечнѣйшаго запрещенія по безумію злѣйшихъ человекъ лукавыхъ. Се убо разумѣй разньство постничеству, и общежителству, и святителству, и царству. И аще убо царю се прилично, иже бующему в ланиту обратити другую? Се убо совершеннѣйшая заповѣдь. Како же управити, аще самъ без чести будетъ? Святителемъ же сие прилично. По сему разумѣй разньства святителству с царствомъ. Обрящещи же много и во *отрекшихся* мира наказания, аще и не смертию, но зѣло тяжкая наказания. Колми же паче въ царствіе подобаеъ наказанію злодѣйственнымъ человекомъ быти!

Посмотри на все это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны. Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам? Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно! Но одно дело — спасти свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах многих людей; одно дело — отшельничество, иное — монашество, иное — священническая власть, иное — царское правление. Отшельничество подобно агнцу, никому не противящемуся, или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницу; монахи же, хотя и отреклись от мира, но, однако, имеют уже обязанности, подчиняются уставам и заповедям, — если они не будут всего этого соблюдать, то совместное житие их расстроится; священническая же власть требует строгих запретов словом за вину и зло, допускает славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти позволено действовать страхом, и запрещением, и обузданием и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей. Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. И разве подобает царю, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это самая совершенная заповедь. Как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священникам это подобает. Уразумей поэтому разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира встретишь многие тяжелые наказания, хотя и не смертную казнь. Насколько суровее должна наказывать злодеев царская власть!

Тако же убо и ваше хотѣние, еже вамъ на градѣхъ и на властехъ совладѣти, идѣже быти, не подобаеъ. И что от сего *случишася* в Руси, егда быша в коемждо граде градоначалницы и *местоблюстители* [36] и какова разорения быша, от сего самъ своимъ беззаконнымъ очима видалъ еси, от сего можеши разумѣти, что сие есть. (...)

Так же неприемлемо и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси,

когда в каждом городе были свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое.<...>

Како же убо измѣнниковъ сихъ доброхотными наречеши? Якоже убо во Израили случися с Авимелехомъ оженимыя Гедеоновы, сирѣчь наложницы, лжею согласившеся, и леть сокрывше, во единъ же день избиша семьдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ,^[37] еже убо от законныхъ женъ ему, и воцариша Авемелеха, тако же убо и вы, собацкимъ своимъ измѣннымъ злымъ обычаемъ, похотѣсте в царствии царей достойныхъ истребити, да аще и не от наложницы, но от царствия разстоящя колѣна и хотѣсте *воцарити*. И се ли убо доброхотны есте и души за мя *полагаете*, еже, подобно Ироду, ссуцаго млеко младенца моего смертию пагубною хотѣсте свѣта сего лишити, чюжого же царя в царство ввести? Се ли за мя душу полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своимъ чадомъ хотите сотворити, егда убо въ яйца мѣсто подадите скорпию или в рыбы мѣсто камень?^[38] Аще бо вы злы суще умѣете даяния благая даяти чадомъ вашимъ, и аще убо доброхотны и благи наречетеся, — почто убо такихъ благихъ даяний не приносите чадомъ нашимъ, якоже своимъ? Но понеже убо извыкосте от прародителей своихъ измѣну учинити: якоже дѣдъ твой, князь Михайло Карамышъ, со княземъ Андреемъ Углецкимъ^[39] на дѣда нашего, великого государя Иванна, умышляя измѣнныи обычаи, тако же отецъ твой, князь Михайло, с великимъ княземъ Дмитриемъ внукомъ^[40] на отца нашего, блаженныя памяти великого государя Василия, многия пагубы и смерти умышляль, тако же и матери твоей дѣды,^[41] Василей да Иванъ Тучки, многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему, великому государю Ивану, износили; такоже и дѣдъ твой, Михайло Тучковъ, на преставление матери нашея, великие царицы Елены, *про нее* дяку нашему Елизару Цыплятеву многая *надменная* словеса изрече; и понеже еси порождение *изчадья ехиднова*, посему такой ядъ отрыгаеши. Се убо довольно указахъ ти, чесо убо ради по твоему злобесному разуму «супротивнымъ обретаяся разумеая», и «разумеая совесть прокаженну имуще», не мни, яже никакого от державы моя нѣсть. А отцу твоему, князю Михайлу, гонения было много, да и убожества, а измѣны такой не учинилъ, яко же ты, собака.

Как же ты называешь таких изменников доброжелателями? Так же, как однажды в Израиле заговорщики, изменнически и тайно стоворившись с Авимелехом, сыном Гедеона от любовницы, то есть от наложницы, перебили в один день семьдесят сыновей Гедеона, родившихся от его законных жен, и посадили на престол Авимелеха, вы, по собачьему своему изменническому обыкновению, хотели истребить законных царей, достойных царства, и посадить на престол хоть и не сына наложницы, но дальнего царского родственника. Какие же вы доброжелатели и как же вы душу за меня готовы положить, если, подобно Ироду, хотели моего сосущего молоко младенца смертью жестокою свести со света сего и посадить на царство чужого царя? Так-то вы душу за меня готовы положить и добра мне желаете? Разве так поступили бы со своими детьми: дали бы вы им вместо яйца скорпиона и вместо рыбы камень? Если вы злы, то почему умеете творить добро своим детям, а если вы считаетесь добрыми и сердечными, то почему же вы не творите так же добра нашим детям, как и своим? Но вы еще от прародителей научились изменять: как дед твой Михайло Карамыш вместе с князем Андреем Углицким умыслил измену против

нашего деда, великого государя Ивана, так и отец твой, князь Михаил, с великим князем Дмитрием-внуком многие беды замышлял и готовил смерть отцу нашему, блаженной памяти великому государю Василию, так же и деды твоей матери — Василий и Иван Тучки — говорили оскорбительные слова нашему деду, великому государю Ивану; так же и дед твой Михайло Тучков, при кончине нашей матери, великой царицы Елены, много говорил о ней высокомерных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву; и так как ты ехидны отродье, потому и изрыгаешь такой яд. Этим я достаточно объяснил тебе, почему я по твоему злобесному разуму «стал супротивным разумевая» и «разумевая, совесть прокаженную имеющий», но не измышляй, ибо в державе моей таковых нет. И хотя твой отец, князь Михаил, много претерпел гонений и унижений, но такой измены, как ты, собака, он не совершил.

А еже писалъ еси, [42] про что есмь сильныхъ во Израили побили, и воеводъ, от Бога данныхъ намъ на враги наша, различными смертми *расторгли* есмь, и побѣдоносную ихъ святую кровь в церквахъ Божиихъ пролияли есмь, и мученическими кровми праги церковные обагрили есмь, и на доброхотныхъ своихъ и души за насъ полагающихъ неслыханые муки, смерти и гонения умыслили есми, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными облыгая православныхъ, и то еси писалъ и глаголашь лжею, яко же отецъ твой, дьяволъ, научилъ тя есть, понеже рече Христосъ: «Вы отца вашего дьявола есте и похоти *отца вашего* хотите творити, яко же онъ бѣ человекоубийца искони, и во истиннѣ не стоитъ, яко нѣсть истинны в немъ; и егда ложъ *глаголетъ*, от своихъ глаголетъ: ложъ бо есть и отецъ его». [43] А сильныхъ есми во Израили не побили, и не вѣмъ, кто есть силнѣйший во Израили, понеже бо Русская земля правится Божиимъ милосердиемъ, и пречистые Богородицы милостию, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословениемъ, и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, ниже *ипаты* и стратиги. [44] Ниже воеводъ своихъ различными смертми разторгли есмь, а з Божию помощию имѣемъ у себе воеводъ множество и опричь васъ, измѣнниковъ. А жаловати есмь своихъ холопей волны, а и казнити волны же есми были.

А когда ты вопрошал, зачем мы перебили сильных во Израиле и воевод, данных нам Богом для борьбы с врагами нашими, различным казням предали и их святую и геройскую кровь в церквах Божиих пролили, и кровью мученическою обагрили церковные пороги, и придумали неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброхотов, полагающих за нас душу, облыгая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и в ином непотребстве, то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой, дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желания отца вашего, ибо он был искони человекоубийца и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А сильных во Израиле мы не убивали, и не знаю я, кто это сильнейший во Израиле, потому что Русская земля держится Божьим милосердием, и милостью пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, а тем более не ипатами и стратигами. Не предавали мы своих воевод различным смертям, а с Божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить.

Крови же в церквах Божиих никакие не проливали есмь. Побѣдоносные же святые крови в своей землѣ в нынѣшнее время ничѣя явленно не вѣмы. Праги же церковныя, — елика наша сила и разумъ осязаетъ, яко же подовластные наши к намъ службу свою являютъ, сице украшенми всякими церкви Божия свѣтятся, всякими благостинями; елика после вашей державы бесовския сотворихомъ, не токмо праги, и помость, и *предверия*, елика всѣмъ видима есть иноплеменнымъ украшения. Кровию же никакою праги церковныя не обагрѣемъ; мучениковъ же в сие время за вѣру у насъ нѣтъ; доброхотныхъ же своихъ и *душу* за насъ полагающихъ истинно, а не лестно, *не* языкомъ глаголюще благая, а сердцемъ злая собирающе, *не* пред очима собирающе и похваляюще, а внѣ — расточяюще и укаряюще (подобно зеркалу, егда смотря и тогда видитъ, каковъ бѣ, егда же отъидеть, тогда забудеть, каковъ бѣ)^[45] и, егда кого обрящемъ, всѣхъ сихъ *злыхъ* свободенна, а к намъ прямую свою службу содевающе и не забывающе порученныя ему службы, яко в зеркале, и мы того жалуемъ своимъ великимъ всякимъ жалованиемъ; а еже обрящется в сопротивныхъ, еже выше рѣхомъ, тотъ по своей винѣ и казнѣ приемлетъ. А в ѳныхъ земляхъ самъ узриши, елика содеваются злымъ злая — тамъ не по здѣшнему. То вы своимъ злобеснымъ обычаемъ утвердили измѣнниковъ любити, а в ѳныхъ земляхъ израдець не любятъ и казнятъ, да тѣмъ и утверждаются.

Крови же в церквах Божьих мы никакой не проливали. Победоносной же и святой крови в нынешнее время в нашей земле не видно, и нам о ней неведомо. А церковные пороги — насколько хватает наших сил и разума и верной службы наших подданных — светятся всякими украшениями, достойными Божьей церкви, всякими даяниями; после того как мы избавились от вашей бесовской власти, мы украшаем не только пороги, но и помост, и преддверие, — это могут видеть и иноплеменники. Кровью же никакой мы церковных порогов не обагрѣем; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза поносят и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отошедшего), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат нам честно и не забывают, подобно зеркалу, порученной службы, то мы награждаем их великим жалованием; тот же, который, как я сказал, противится, заслуживает казни за свою вину. А в других странах сам увидишь, как там карают злодеев — не по-здешнему. Это вы по своему злобесному нраву решили любить изменников, а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою.

А мукъ и гонения и смертей многообразныхъ ни на кого не умысливали есмь; а еже о измѣнахъ и чародѣйстве вспомянуль еси, ино такихъ собакъ вездѣ казнятъ.

А мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали; если же ты вспоминаешь о изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят.

А еже нѣчто облыгаемъ православныхъ, и понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему, яко «аспидъ глухий затыкаетъ уши свои, иже не слышитъ гласа обавающаго, обаче обаваемъ обаваются от премудра, понеже зубы ихъ во устѣхъ ихъ сокрушилъ есть Господь и членовныя лвомъ сокрушилъ есть»;^[46]

и аще азъ облыгаю, о иномъ же истинна о комъ явится? Ино то измѣнники чесо не сотворятъ, а обличения нѣсть имъ, по твоему злобесному умышлению? Чесо же ради намъ сихъ облыгати? Власти ли от своихъ работныхъ желая, или рубища ихъ худая, или колеб ихъ насытитися? Како убо смѣху не подлежитъ твой разумъ? На заецъ потреба множество псовъ, на враги же множество вои; како убо безлѣпа казнити подовластныхъ, имуще разумъ!

А то, что мы ободгали православных, то ты сам уподобился аспиду глухому, ибо, по словам пророка, «аспид глухой затыкает уши свои, чтобы не слышать голоса заклинателя, иначе будет заклят премудрым, ибо зубы в пасти их сокрушил Господь и челюсти лвам раздробил»; если уж я облыгаю, от кого же тогда ждать истины? Что же, по твоему злобесному мнению, что бы изменники ни сделали, их и обличить нельзя? А облыгать мне их для чего? Что мне желать от своих подданных? Власти, или их худого рубища, или хлебом их насытитися? Не смеха ли достойна твоя выдумка? Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов — множество воинов: кто же, имея разум, будет без причины казнить своих подданных!

И якоже выше рѣхъ, какова злая пострадахъ от васъ от юности даже и донынѣ, пространнѣйши изобличити. Се убо являемъ (аще убо и юнѣ еси сихъ лѣтъ, но обаче вѣдети можеша): егда Божиими судьбами отецъ нашъ, великий государь Василей, пременивъ порфиру аггельскимъ пременениемъ, тлѣнное сие мимотекущее земное царствие оставилъ, преиде на небесная^[47] во онъ вѣкъ нескончаемый, предстояти Царю царемъ и Господу господемъ, мнѣ же оставльшуся со едиnorodнымъ братомъ, святопочившимъ Георгиемъ.^[48] Мнѣ убо трею лѣтъ суще, брату же моему лѣта единого, родительнице же нашей, благочестивой царице Елене, в сиецѣвѣ бѣдне вдовствѣ оставшей, яко в пламени отвсюду пребывающе, ово убо от иноплеменныхъ языкъ откругъ присядящихъ брани непремерителныа приемлюще от всѣхъ языкъ, литаонска, и поляковъ, и перекопий, тарханей, и нагаи, и казани,^[49] ово же от васъ измѣнниковъ бѣды и скорби разными виды приемлюще, яко же подобно тебѣ, бѣшеной собаке, князь Семень Бѣлской да Иванъ Ляцкой^[50] оттекоша в Литву и камо ни скакаше бесящися, — въ Царьградъ, и в Крымъ, и в Нагаи, и отовсюду на православие рати воздвизающе. Но ничтоже успѣша: Богу заступающе, и пречистой Богородице, и великимъ чюдотворцомъ, и родителей нашихъ молитвами и благословениемъ, вся сия якоже Ахитофель^[51] совѣтъ разсыпаса. Также потомъ дядю нашего, князя Андрея Ивановича,^[52] измѣнники на насъ подъяша, и с тѣми измѣнники пошолъ былъ к Новугороду (и которыхъ хвалиши, доброхотныхъ намъ и душу за насъ полагающихъ *называеши*), и тѣ в тѣ поры от насъ отступили и приложилися к дяде нашему, ко князю Андрею, а в головахъ твой братъ, князь Иванъ князь Семеновъ сынъ, князь Петрова Головы Романовича,^[53] и иные многие. И тако Божиею помощию тотъ совѣтъ не совершися. Ино то ли тѣхъ доброхотство, которыхъ ты хвалиши? И тако ли душу *свою* за насъ полагають, еже насъ хотѣли погубити, а дядю нашего воцарити? По томъ же, измѣннымъ обычаемъ, недругу нашему литовскому державцу почали вотчину нашу отдавати, грады Радогоць, Стародубъ, Гомей^[54] — и тако ли доброхотствуютъ? Егда нѣсть во всей землѣ, кѣмъ

погубити от земли и славы в персть вселити, и тогда иноплеменнымъ примешаются любовию, точию да погубять безпамятнѣ!

Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я пострадал из-за вас в юности и страдаю донныне. Это известно всем (ты был еще молод в те годы, но, однако, можешь знать это): когда по Божьей воле, сменив порфиру на монашескую рясу, наш отец, великий государь Василий, оставил это брренное земное царство и вступил на вечные времена в царство небесное предстоять пред Царем царей и Господином государей, мы остались с родным братом, святопочившим Георгием. Мне было три года, брату же моему год, а мать наша, благочестивая царица Елена, осталась несчастнейшей вдовой, словно среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары, Астрахань, ногаи, казанцы, и от вас, изменников, пришлось претерпеть разные невзгоды и печали, ибо князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись, — и в Царьград, и в Крым, и к ногаям, и отовсюду шли войной на православных. Но ничего из этого не вышло: по Божьему заступничеству и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и по молитвам и благословию наших родителей все эти замыслы рассыпались в прах как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли против нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду (вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, готовыми положить за нас душу), а от нас в это время отложились и присоединились к дяде нашему, к князю Андрею, многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном, сыном князя Семена, внуком князя Петра Головы Романовича, и многие другие. Но с Божьей помощью этот заговор не осуществился. Не то ли это доброжелательство, за которое ты их хвалишь? Не в том ли они за нас свою душу кладут, что хотели погубить нас, а дядю нашего посадить на престол? Затем же они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель, — так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить, чтобы погубили славу родной земли, то вступают в союз с иноплеменниками — лишь бы навсегда погубить землю!

Такоже изволися *судбами Божиими* быти, родительнице нашей, благочестивой царице Елене, преити от земнаго царствия на небесное, [55] намъ же со святопочившимъ братомъ Георгиемъ сиротствующимъ родителей своихъ и ниоткуда же промышления чловѣческаго не приемлюще, токмо на Божие милосердие уповающе и пречистые Богородицы милость, и на всѣхъ святыхъ молитвы, и на родителей своихъ благословение и упование положихомъ. Мнѣ же осмому лѣту от рождения тогда преходяще, и тако подвластнымъ нашимъ аки хотѣние свое *улучившимъ*, еже царство без владателя обретоша, насъ убо, государей своихъ, никоего промышления доброхотнаго не сподобиша, сами же ринушеса богатству и славѣ и тако наскочиша другъ на друга. И елико тогда сотвориша! Колико бояръ нашихъ, и доброхотныхъ отца нашего, и воеводъ избиша! Дворы, и села, и имѣние дядь нашихъ себѣ восхитиша и водворишася в нихъ. И казну матери нашей перенесли в Большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще, а иное же разъяша. А дѣдъ твой, Михайло Тучковъ, то и творилъ. И тако князь Василей и князь

Иванъ Шуйские самовольствомъ у меня в бережении учинилися^[56] и тако воцаришася; а тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери нашей были главные измѣнники, ис поимания ихъ выпускали^[57] и к себѣ ихъ примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего князь Андреевъ дворѣ учаль жити, и на томъ дворѣ сонмищемъ иудейскимъ отца нашего и нашего дьяка ближнего Федора Мишурина изымав и позоровавши убили,^[58] и князя Ивана Федоровича Бѣлского и иныхъ многихъ в разные места заточиша; и на церковь вооружишася и Данила митрополита, сведше с митрополии, и в заточение послаша;^[59] и тако свое хотѣние во всемъ учиниша и сами убо царствовати начаша. Насъ же со единокровнымъ братомъ моимъ, святопочившимъ Георгиемъ, питати начаша яко *иностранныхъ или яко убожейшую чадъ*. Мы же пострадали во одеянии и в алчбѣ. Во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино воспоминаюти: намъ бо въ юности дѣтская играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйской сѣдя на лавке, лохтемъ опершися о отца нашего постелю, ногу положи на стулъ, к намъ же не прикланяся не токмо яко родителски, но ниже властелски, рабское же ничтоже обрѣтеся. И такова гордѣнныя кто можетъ понести? Како же исчести таковая бѣдныя страдания многа, еже от юности пострадахъ? Многажды же поздно ядохъ не по своей воле. Что же убо о казнахъ родителского ми достояния? Вся восхитиша лукавымъ умышлениемъ, бутто дѣтемъ боярскимъ жалование, а все себѣ у нихъ поимаша во мздоимание, а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстають не по достоинству; а казну дѣда нашего и отца нашего *безчисленну* себѣ поимаша, и такъ в той нашей казнѣ *исковаша* себѣ сосуды златыя и сребренныя и имена на нихъ родителей своихъ возложиша, бутто ихъ родителское стяжание. А всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского была шуба мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи; и коли б то было ихъ старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лутчи шуба переменить, а в исходке сосуды ковати. Что же о казнахъ дядь нашихъ глаголати? Но все себѣ восхитиша. По семъ же на грады и села возсочиша, и тако горчайшимъ мучениемъ многообразными виды имѣния ту живущихъ без милости пограбиша. Сусѣдствующихъ же от нихъ *напасти* кто можетъ исчести? Подовластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотвориша, рабы же своя аки велможи сотвориша, правити же мнящеся и строити, и вмѣсто сего неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмѣрну ото всѣхъ збирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще.

Когда же суждено было по Божьему предназначению родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мы со святопочившимъ в Боге братомъ Георгиемъ круглыми сиротами — никто нам не помогал; оставалась нам надежда только на милосердие Божие, и на милость пречистой Богородицы, и на всех святых молитвы и уповали лишь на благословение родителей наших. Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери нашей перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная

ногами и тыча палками, а остальное разделили. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Вот так князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли, свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единокровным братом моим, святопочившим в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бесчисленные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние. А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и села и, подвергая жителей различным жестоким мучениям, без жалости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее поступали и говорили.

И тако имъ многа лѣта жившимъ, мнѣ же возрастомъ тѣла преспевающе, и не восхотѣхъ под властию рабскою быти, и того для князя Ивана Василевича Шуйского от себя отослалъ на службу, а у себя есми велѣлъ быти боярину своему князю Ивану Федоровичю Бѣлскому.^[60] И князь Иванъ Шуйской, приворотя к себѣ всѣхъ людей и к целованию приведе, пришелъ ратию к Москве,^[61] и боярина нашего князя Ивана Федоровича Бѣлскаго и иныхъ бояръ и дворянъ переимали совѣтники его *Кубенские и иные*^[62] до его приезде, и сослали на Белоезеро и убили,^[63] да и митрополита Иоасафа с великимъ безчестиемъ с митрополии согнаша.^[64] Также и князь Андрей Шуйской^[65] с своими единомысленики *пришедъ* к намъ в ызбу в столовую, неистовымъ обычаемъ перед нами изымали боярина нашего Федора Семеновича Воронцова,^[66] ободравъ его и позоровавъ, вынесли из ызбы да убити хотѣли. И мы

посылали к нимъ митрополита Макария, да бояръ своихъ, Ивана да Василия Григорьевичевъ Морозовыхъ,^[67] своимъ словомъ, чтобъ его не убили, и онъ едва по нашему слову послали его на Кострому, а митрополита затеснили и манатию на немъ с ысточники изодрали, а бояръ в хребетъ толкали. Ино то ли доброхотны, что бояръ нашихъ и угодныхъ сопротивно нашему повелѣнью переимали и побили и разными муками и гонении мучили? И тако ли годно за насъ, государей своихъ, души полагати, еже к нашему государству ратию приходити и перед нами сонмищемъ иудейскимъ имати и с нами холопу зъ государемъ ссылатися и государю у холопа выпрашивати? Тако ли пригоже прямая служба воинству? Вся вселенная подсмеетъ, *видя* такую правду! О гонении же что изглаголати, каковы тогда случишася? От преставления матери нашия и до того времени шесть лѣтъ и поль^[68] не престаша сия злая.

Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал на службу, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Так же вот и князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому, а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр пихали взашей. Это они-то — доброжелатели, что вопреки нашему повелению хватали угодных нам бояр и избивали их, мучили и ссылали? Так ли они охотно душу за нас, государей своих, отдают, если приходят на нас войной, а на глазах у нас сонмищем иудейским захватывают бояр, а государю приходится сносить с холопами и государю упрашивать своих холопов? Хороша ли такая верная воинская служба? Вся вселенная будет насмехаться над такой верностью! Что же и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Намъ же пятагонадесять лѣта возраста преходяще, и тако сами яхомся строити свое царство, и по Божие милости и благо было началось строити. И понеже грехомъ человечьскимъ повсегда Божию благодать *раздражающимъ*, и тако случися грѣхъ ради нашихъ Божию гнѣву распостерщуся, пламени огненному царствующий градъ Москву попалившу, наши же измѣнные бояре, от тебе же нарицаемая мученики (ихъже имена волею *премину*), аки время благополучно своей измѣнной злобе улучиша, научиша народъ скудожайшихъ умомъ,^[69] бутто матери нашей мать, княгини Анна Глинская, с своими *детьми* и людми, сердца человеческия выимали и такимъ чародѣйствомъ Москву попалили, да бутто и мы тотъ ихъ совѣтъ

вѣдали. И тако тѣхъ измѣнниковъ научениемъ боярина нашего, князя Юрья Василевича Глинсково, [70] воскличавъ народъ иудейскимъ обычаемъ, изымали его в предѣле великомученика Христова Димитрия Селунского, выволокли его в соборную и апостольскую церковь Пречистые Богородицы [71] противу митрополича мѣста, без милости его убиша и кровию церковь наполниша, и выволокли его мертва в передние двери церковныя и положиша его на торжищи яко осужденника. И сие в церкви убийство всѣмъ вѣдомо, а не яко же ты, собака, лжеши! Намъ же тогда живущимъ в своемъ селѣ Воробьевѣ, [72] и тѣ измѣнники научили были народъ и насъ убити за то, что бутго мы княжь Юрьеву мати, княгиню Анну, и брата его, князя Михаила, [73] у себя хоронимъ от нихъ. Како убо смѣху не подлежитъ мудрость сия? Почто убо намъ самимъ царству своему запалителемъ быти? Толика убо стяжания, прародителей нашихъ благословение, у насъ погибоша, еже ни во вселеннѣй *обрястися можетъ*. Кто же безумень или яръ таковъ обрящется, разгнѣвався на рабы, да свое стяжание погубити? И онъ бы ихъ попалилъ, а себя бы уберегъ. Во всемъ ваша собачья измѣна обличается! Якоже сему подобно, еже Иванъ Святой [74] водою кропити, толику безмѣрну высоту имущу. И сие убо безумие ваше явственнѣе. И тако ли доброхотно *подобаетъ* нашимъ бояромъ и воеводамъ намъ служити, еже такими собрании собатцкими без нашего вѣдома бояръ нашихъ убивати, да еще в черте кровномъ намъ? И тако ли душу свою за насъ полагають, еже убо душу нашу желаютъ от мира сего на всякъ часъ во онъ вѣкъ препустити? Намъ убо законъ полагающе во святыню, сами же с нами путишествовати не хотяще! Что же, собака, и хвалишися в гордости и иныхъ собакъ измѣнниковъ похваляеши бранною храбростию? Господу нашему Иисусу Христу глаголющу: «Аще царство само на ся разделится, то не можетъ стояти царство то». [75] Како же можетъ бранная люте понести противу врага, аще междуособными бранми растлится царство? Како убо можетъ древо цвести, аще корени суху сущу? Тако и сие: аще не прежде строения в царствии благо будетъ, како бранная храбре поставятся? Аще убо предводитель не множае полкъ утверждаетъ, тогда множае побѣждаемъ паче бываетъ, неже побѣдитъ. Ты же, вся сия презрѣвъ, едину храбрость похваляеши; а о чесомъ же храбрости состоятися, сия ни во что же полагаеши, и являя ся не токмо утвержая храбрость, но паче разрушая. И являя ся яко ничтоже еси; в дому измѣнникъ, в ратныхъ же пребывании разсуждения не имѣя, понеже хощеши междуособными бранми и самоволствомъ храбрость утвердити, емуже быти не возможно.

Когда же нам исполнилось пятнадцать лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава Богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи часто раздражают Бога, то случился за наши грехи по Божьему гневу в царствующем граде Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто мать матери нашей, княгиня Анна Глинская, со своими людьми и слугами вынимала человеческие сердца и таким колдовством спалила Москву и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись по обычаю иудейскому, с криками захватил в приделе церкви великомученика Христова

Димитрия Солунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского, втащили его в соборную и апостольскую церковь Пречистой Богородицы и бесчеловечно убили напротив митрополичьего места, залив церковь кровью, и, вытащив его тело через передние церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. И это убийство в церкви всем известно, а не то, о котором ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьево, и те же изменники подговорили народ и нас убить за то, что мы будто бы прячем от них у себя мать князя Юрия, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Как же не посмеяться над таким измышлением? Чего ради нам самим жечь свое царство? Сколько ведь ценных вещей из родительского благословения у нас сторело, каких во всей вселенной не сыщешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег. Во всем видна ваша собачья измена! Это похоже на то, как если бы попытаться окропить водой колокольню Ивана Святого, имеющую столь огромную высоту. Это — явное безумие. В этом ли состоит достойная служба нам наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи стаи, убивают наших бояр, да еще наших родственников? И так ли душу свою за нас полагают, что всегда жаждут отправить душу нашу из мира сего в вечную жизнь? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом последовать не хотят! Что же ты, собака, гордо хвалишься и хвалишь за воинскую доблесть других собак-изменников? Господь наш Иисус Христос сказал: «Если царство разделится, то оно не сможет устоять», кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобными распрями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: пока в царстве не будет должного порядка, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель не укрепляет постоянно войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, все это презрев, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается — это для тебя неважно, ты, оказываясь, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты — ничтожество; в доме ты — изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь укрепить храбрость в самовольстве и в междоусобных бранях, а это невозможно.

До того же времени бывшу сему собаке, Алексѣю Адашову, вашему начальнику, нашего царствия во дворѣ, и въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ из батожниковъ водворившася, [76] намъ же такая измѣны от велможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего от гноища и учинивъ с велможами, а чающе от него прямые службы. Какихъ же честей и богатствъ не исполнихъ его, и не токмо его, но и родъ его! Какова же служения праведна от него прияхъ, напреди возвестимъ. По семъ же совѣта ради духовнаго и спасения ради души своя, прияхъ попа Селивестра, [77] а чающе тоже, что онъ, предстояния ради у престола Владычня, побережетъ своя души, а онъ, поправъ священныя обѣты и херотонию, иже со агелы у престола Владычня *предстояния*, идѣже желаютъ агелы приникнути, идѣже повсегда агнецъ Божий жремый за мирское спасение и никогдаже пожренный, — еже онъ во плоти сый, серафимския службы своими руками сподобися, и сия убо вся поправъ лукавымъ обычаемъ, исперва убо яко благо нача, послѣдуя Божественному Писанию. Мнѣ же вѣдевшу в Божественномъ Писании, како подобаетъ

наставникомъ благимъ покорятися без всякого разсуждения, и сему совѣта ради духовнаго *повинухся* волею, а не в невѣдение; онъ же восхитився властїю, якоже Илия жрецъ, [78] нача *совокуплятися* подобно в дружбу мирскимъ. По томъ же собрахомъ вся архиепископы, и епископы, и весь освященный соборъ русския митрополии, [79] и еже убо въ юности нашей содѣянная, на васъ, бояръ нашихъ, наши опалы, та же и от васъ, бояръ нашихъ, еже намъ сопротивное *и проступки*, сами убо пред отцемъ своимъ и богомолцемъ, перед Макариемъ, митрополитомъ всеа Русии, во всемъ в томъ соборне простихомся; васъ же, бояръ своихъ, и всѣхъ людей своихъ в проступкахъ пожаловали и впередъ того не воспоминаати, и тако убо мы всѣхъ васъ яко благи начахомъ держати.

Был в это время при нашем дворе собака Алексей Адашев, ваш начальник, еще в дни нашей юности, не пойму каким образом, возвысившийся из телохранителей; мы же, видя все эти измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на верную его службу. Каких почестей и богатств не удостоили мы его, и не только его, но и его род! Какой же верной службой он отплатил нам за это, расскажем дальше. Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу, а он, поправ свои священнические обеты и свой сан и право предстоять с ангелами у престола Господня, к которому стремятся ангелы преклониться, где вечно приносится в жертву за спасение мира агнец Божий и никогда не гибнет, он, еще при жизни удостоившийся серафимской службы, все это поправ коварно, а сперва как будто начал творить благо, следуя Божественному Писанию. Так как я знал из Божественного Писания, что подобает без раздумий повиноваться добрым наставникам, и ему, ради совета его духовного, повиновался своей волей, а не по неведению; он же, желая власти, как Илья-жрец, начал также окружать себя мирскими друзьями. Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный собор русской митрополии и получили прощение на соборе том от нашего отца и богомольца митрополита всеа Руси Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр, также и за то, что вы, бояре наши, выступали против нас; вас же, бояр своих, и всех прочих людей за вины все простили и обещали впредь об этом не вспоминать, и так признали всех вас верными слугами.

Вы же перваго своего лукаваго обычая не остависте, но паки на первая возвратистесь, и паки начасте лукавымъ совѣтомъ служити намъ, а не истинною, и вся соумышлениемъ, а не простотою творити. Также попь Селивестръ со Алексѣемъ здружилися и начаша совѣтовати отаи насъ, мнѣвше насъ неразсудныхъ суще, и тако вмѣсто духовныхъ мирская нача совѣтовати, и тако помалу всѣхъ васъ бояръ в самоволство нача приводити, нашу же власть с васъ снимающе, и в супротивословие васъ приводяще, и честию васъ мало не с нами равняяще, молотчихъ же дѣтей боярскихъ с вами честию уподобляюще. И тако помалу утвердися злоба сия, и васъ почали причитати к вотчинамъ и ко градомъ и к селомъ, еже дѣда нашего великаго государя уложение, которые вотчины у васъ взимати и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба от насъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно раздаяли неподобно, [80] и то дѣда нашего уложение разрушили, и тѣмъ многихъ людей к себѣ примірили. И по томъ единомысленника своего, князя Дмитрея Курлятева, [81] к намъ в

синклить припустили, насъ же подходя лукавымъ обычаемъ духовнаго ради совѣта, бутто души ради то творить, а не лукавствомъ; и тако с тѣмъ своимъ единомысленникомъ начал злый *свой* совѣтъ утвержати, и ни единыя власти оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣние удлучиша. По семъ же с тѣмъ своимъ единомысленникомъ от прародителей нашихъ данную намъ власть от насъ отгяша, еже вамъ, бояромъ нашимъ, по нашему жалованию честию и предсѣданиемъ почтеннымъ быти, [82] сия убо вся во своей власти *и вашей* положиша, яко же вамъ годе, и яко же кто какъ восхощетъ; по томъ же утвердися дружбами, и всю власть во своей воли имый, ничтоже от насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся строения и утверждения по своей воле и своихъ совѣтниковъ хотѣния творяще. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сия вся непотребна имъ учиняхуся, они же аще что непотребна учиняху, *аще что* строптиво и развращенно совѣтоваху, *но сия вся во благо творяху.*

Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: и так вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли. И так мало-помалу это зло окрепло, и стали вам возвращать вотчины, и города, и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас; и те вотчины, словно ветром разметав, беззаконно роздали, нарушив уложение нашего деда, и этим привлекли к себе многих людей. И потом ввели к нам в совет своего единомышленника, князя Дмитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и так во всем смогли добиться своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас прародителями данной власти и права распределять честь и места между вами, боярами нашими, и взяли это дело в свое ведение и усмотрение, как вам заблагорассудится и будет угодно, потом же окружили себя друзьями и всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все решения и установления принимали по своей воле и желаниям своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неудобно, а их даже негодные, даже плохие и скверные советы считались хорошими.

И тако убо ниже во внѣшнихъ, ниже во внутреннихъ, ниже в малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до пища и до сна, вся не по своей воле бяху, но по ихъ хотѣнию творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ.

Так было и во внешних делах, и во внутренних, и даже в мельчайших и самых незначительных, вплоть до пищи и сна, нам ни в чем не давали воли, все свершалось согласно их желанию, на нас же смотрели, как на младенцев.

Ино се ли «сопротивно разуму», еже не восхотѣхомъ в совершеннемъ возрасте младенцемъ быти? Та же по семъ и сия утвердися: еже намъ противословие ни единому еже от худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сия вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бесосоставной грамоте написано; от его же совѣтниковъ, аще кто и худѣйших, намъ не яко владыце или яко к брату, но аки к худѣйшему человѣку надменная словеса *неистове* изношаху, и сия вся благочестиве вменяхуся имъ; кто убо мало послушание или покой намъ сотворитъ, тому убо гонение и мучение велико; аще же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утеснение, тому богатство, и слава, и честь; аще ли не тако, то душѣ пагуба и царству разорение. И тако убо намъ в сицевомъ гонении и утеснении пребывающимъ, и такова злая не токмо от дни до дни, но от часу растяху; и еже убо намъ сопротивно, сия умножахуся, а еже убо намъ послушно и покойно, сия умаляхуся. Таково убо тогда православие сияше! Кто же убо можетъ подробну изчести, еже в житейскихъ пребывании, хождениихъ и в покое, та же и в церковномъ предстоянии и во всякомъ своемъ житие гонение и утеснение? И тако убо симъ бывающимъ, намъ же сия Бога ради вмещающимъ, мняще убо яко душевныя ради ползы сицевая утеснения творитъ намъ, а не лукавства ради. Та же по Божию изволению со крестоносною хоругвию всего православнаго христианскаго воинства, православнаго ради христианства заступления, намъ бо двигшимся на безбожный языкъ казанский, [83] и тако неизреченымъ Божиимъ милосердиемъ, иже надтѣмъ безбожнымъ языкомъ побѣду показавше, со всѣмъ бо воинствомъ православнаго христианства здравы возвратихомся восвояси. Что же убо изреку от тебе нарицаемыхъ мучениковъ доброхотство к себѣ? Како убо, аки *пльнника* всадивъ в судно, везяху зѣло с малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю. Аще не бы всемогущая десница вышняя защитила мое смирение, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ доброхотство к намъ, за кого ты глаголешь, и тако за насъ души полагають, еже нашу душу во иноплеменныхъ руки тщатся предати!

Неужели же это «противно разуму», что взрослый человек не захотел быть младенцем? Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей нескладной грамоте, а если и последний из его советников обращается ко мне с надменной и грубой речью, не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, — то это хорошим считается у них; кто нас хоть в малом послушается, сделает по-нашему, — тому гонение и великая мука, а если кто раздражит нас или принесет какое-либо огорчение, — тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь, — пагуба душе и разорение царству. И так жили мы в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу; все, что было нам враждебно, умножалось, все же, что было нам по нраву и успокаивало, то умалялось. Вот какое тогда сияло православие! Кто сможет подробно перечислить все те притеснения, которым мы подвергались в житейских делах, во время поездок, и во время отдыха, и в церковном предстоянии, и во всяких других делах? И так это происходило, мы же позволяли это Бога ради, думая, что творят такие утеснения не из коварства, а ради нашей пользы. Когда же мы Божьей волей с крестоносною хоругвью всего православнаго христианскаго воинства ради защиты православных

христиан двинулись на безбожный народ казанский, и по неизреченному Божьему милосердию одержали победу над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались обратно, что могу сказать о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука Всевышнего не защитила меня, смиренного, наверняка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство к нам тех людей, о которых ты говоришь, и так они душой за нас жертвуют — хотят выдать нас иноплеменникам!

Та же намъ пришедшимъ въ царствующий градъ Москву, Богу же милосердие свое к намъ множащу и наслѣдника намъ тогда давшу, сына Димитрия; [84] мало же времени минувши, еже убо въ человѣческомъ бытии случается, намъ же немощию одержимымъ бывшимъ и зелье изнемогшимъ, тогда убо еже от тебе нарицаемыя доброхотны възпаташася яко пиянии, с попомъ Селивестромъ и с начальникомъ вашимъ Алексѣемъ Адашовымъ, [85] мнѣвше насъ небытию быти, забывше благодеяний нашихъ, ниже своихъ душъ, еже отцу нашему целовали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей иного государя себе не имати, они же хотѣша воцарити, еже от насъ разстояшася в колѣнехъ, князя Володимера, [86] младенца же нашего, еже от Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити, и како бы имъ не погубити, воцаривъ князя Володимера. Понеже бо и во внѣшнихъ писаниихъ древнихъ реченно есть, [87] но обаче прилично: «Царь бо царю не кланяется; но единому умершу, другой обладаетъ». Се убо намъ живымъ сущимъ, такова от своихъ подовластныхъ доброхотства насладихомся, что же убо по насъ будетъ! Та же Божиимъ милосердиемъ намъ узнавшимъ и уразумѣвшимъ внятно, и сий совѣтъ ихъ разсыпая, попу же Селивестру и Алексѣю Адашову отголе не престающе вся злая совѣтовати, и утеснение горчайшее сотворяти, на доброхотныхъ же намъ гонение разными видами умышляюще, князю же Володимеру во всемъ его хотѣние утверждающе, та же и на нашу царицу Анастасию [88] ненависть зѣлну воздвигше и уподобляюще ко всѣмъ нечестивымъ царицамъ; чадъ же нашихъ ниже помянути могоша.

Когда же вернулись мы в царствующий град Москву, Бог, свое милосердие к нам умножая, дал нам тогда наследника — сына Дмитрия; когда же, немного времени спустя, я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем Адашевым, воспатались как пьяные, решили, что мы уже в небытии, и, забыв наши благодеяния, а того более — души свои и то, что целовали крест нашему отцу и нам — не искать себе иного государя, кроме наших детей, решили посадить на престол нашего дальнего родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от Бога, хотели погубить, подобно Ироду (и как бы им не погубить!), воцарив князя Владимира. Говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, но справедливое: «Царь перед царем не преклоняется, но когда один умирает, другой принимает власть». Вот каким доброжелательством от них мы насладились еще при жизни, — что же будет после нас! Когда же мы по Божью милосердию все узнали и полностью уразумели и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей Адашев и после этого не перестали жесточайше притеснять нас и давать злые советы, под

разными предложениями изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру, преследовали лютой ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали.

Та же по семь собака изменникъ старый ростовской князь Семень, иже по нашей милости, а не по своему достоинству сподобленъ быти от нас синклитства, своимъ же изменнымъ обычаемъ литовскимъ посломъ, пану Станиславу Давойну с товарищи, нашу думу изнесъ,^[89] насъ укаряя и нашу царицу и нашихъ чадъ; и мы то его злодѣйство сыскавъ, и еже милостиво казнъ свою над нимъ учинили. И после того попь Селивестръ и с вами, своими злыми совѣтники, того собаку учаль в велице брежение держати и помогати ему всѣми благими, и не токмо ему, но и всему его роду. И тако убо оттоле всѣмъ изменникомъ благо время улучися, намъ же убо оттоле в болшомъ утеснении пребывающимъ: от нихъже во единомъ и ты былъ еси явленно, еже с Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицково.^[90]

А после этого собака и давний изменник, князь Семен Ростовский, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам, пану Станиславу Довойно с товарищами, и поносил перед ними нас, нашу царицу и наших детей; мы же, расследовав это злодейство, наказали того, но милостиво. А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами, и не только ему, но и всему его роду. И так с тех пор для всех изменников настало вольготное время, а мы с той поры терпели еще больше притеснений: ты также был среди них, известно, что вы с Курлятевым хотели втянуть нас в тяжбу из-за Сицкого.

Та же убо наченшись войнѣ, еже на германы,^[91] о семь же убо напреди слово пространнѣйши ся явить, попу же Селивестру и с вами, своими совѣтники, о томъ на насъ люте належаще;^[92] и еже убо согрѣшений ради нашихъ приключаящихся болѣзней на насъ и на царице нашей и на чадехъ нашихъ, и сия убо вся вменяху аки ихъ ради, нашего к нимъ непослушания сия бываху. Како убо воспомяну, иже во царствующий градъ с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска немилостивное путное прехождение?^[93] Единаго ради мала слова непотребна! Молитвы же убо и прехождения по святымъ местомъ, и еже убо приношение и обѣты ко святыне о душевномъ спасение, и о тѣлесномъ здравие, и о всемъ благомъ пребывании нашемъ и царицы нашея и чадъ нашихъ, и сия вся вашимъ лукавымъ умышлениемъ от насъ отнюдь взяшася, врачевстей же хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда бяше.

Когда же началась война с германцами, о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советчиками, жестоко нас за нее порицал; когда за свои грехи заболели мы, наша царица или наши дети, — все это, по их словам, свершалось за наше непослушание им. Как не вспомнить тяжкий путь из Можайска в царствующий град с больной царицей нашей Анастасией? Из-за одного лишь неподобающего слова! Молитв, хождений к святым местам, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нашем,

нашей царицы и детей — всего этого по вашему коварному умыслу нас лишили, о врачебной же помощи против болезни тогда и не вспоминали.

И сице убо намъ в таковыхъ зълныхъ скорбехъ пребывающимъ, и понеже убо такова отягчения не могохомъ понести, еже не человекски сотвористе, и сего ради, сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашова со всѣми его совѣтники, милостивно ему свой гнѣвъ учинили, [94] смертные казни не положили, но по рознымъ местомъ розослали, попу же Селивестру, видевшу своихъ совѣтниковъ ни во что же бывше, и сего ради своею волею отоиде, намъ же яко благословне отпустившимъ, [95] не яко *устыдившеся*, но яко не хотѣвшу ми судитися здѣ, но в будущемъ вѣце, пред агньцемъ Божиимъ, еже онъ повсегда служа и презрѣвъ лукавымъ своимъ обычаемъ, злая сотвори ми; но в будущемъ вѣце хошу судъ прияти, елико от него пострадахъ душевне и тѣлесне. Того ради и чаду его сотворихъ и по се время во благоденстве пребывати, [96] точию убо лица нашего не зряй. И аще убо подобно тобѣ *кто смѣху быти глаголетъ*, еже попу повиноватися? И понеже убо до конца не вѣсте христианского мнишеского устава, како подобаетъ наставникомъ покарятися, понеже бо немощни бысте слухи, требующе учителя лѣта ради, и понеже бысте требующи млека, а не крѣпки пищи, сего ради тако сия глаголетъ. И того ради убо попу Селивестру ничего зла не сотворихъ, якоже выше рѣхъ. А еже убо мирскимъ, яже подо властию нашею сущимъ, симъ убо по ихъ измѣне, тако и сотворихомъ: исперва же убо казнию конечною ни единому коснухомся, всѣмъ же убо, иже к нимъ не приставше, повелѣхомъ от нихъ отлучатися и к нимъ не приставати; и сию убо заповѣдь положивше и крестнымъ целованиемъ утвердихомъ; и понеже убо *от нарицаемыхъ тобою мучениковъ и согласныхъ имъ* наша заповѣдь ни во что же бысть и крестное целование преступивше, не токмо отсташа от тѣхъ измѣнниковъ, но и болми начаша имъ помогати и всячески промышляти, дабы ихъ на первый чинъ возвратити и на насъ лютѣйшее составляти умышление; и понеже убо злоба неутолима явися и разумъ непреклоненъ обличися, — сего ради повинные по своей винѣ таковъ судъ прияли. [97] *Се* убо есть по твоему разуму «сопротивно разуму обрѣтесе, разумевая», еже вашей воли не повинухомся? Понеже сами имуще совесть непостоятелну и крестопреступну, и малаго ради блистания злата премененну, се убо и намъ совѣтуете. Сего ради реку: о, иудино окаянство сие хотѣние! От негоже избави, Боже, душа наша и всѣхъ православныхъ християнъ. Якоже убо Иуда злата ради преда Христа, тако же убо и вы наслаждения ради мира сего православное християнство и насъ, своихъ государей, предали есте, души свои забывъ и крестное целование преступили есте.

И когда, пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, нестрого наказали их за все это: на смертную казнь не осудили, а разослали по разным местам, поп Сильвестр, видя, что его советники лишились всего, ушел по своей воле, мы же его с благословением отпустили, не потому, что устыдились его, но потому, что я хочу судиться с ним не здесь, а в будущем веке, перед агнцем Божьим, которому он всегда служил, но, презрев, по коварству своего нрава, причинил мне зло; в будущей жизни хочу с ним судиться за все страдания мои душевные и телесные. Поэтому и чаду его я до сих пор позволил

жить в благоденствии, только видеть нас он не смеет. Кто же, подобно тебе, будет говорить такую нелепость, что следует повиноваться попу? Видно, вы потому так говорите, что немощны слухом и не знаете как должно христианский монашеский устав, как следует наставникам покоряться, поэтому вы и требуете для меня, словно для малолетнего, учителя и молока вместо твердой пищи. Как я сказал выше, я не причинил Сильвестру никакого зла. Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не осудили на смертную казнь, но всем, кто не был с ними заодно, повелели их сторониться; это повеление провозгласили и утвердили крестным целованием, но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и преступили крестное целование и не только не отшатнулись от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески искать способа вернуть им прежнее положение, чтобы составить против нас еще более коварные заговоры; и так как тут обнаружилось неутолимая злоба и непокорство, то виноватые получили наказание, достойное их вины. Не потому ли я, по твоему мнению, «оказался сопротивным разуму, разумея», что тогда не подчинился вашей воле? Поскольку вы сами бессовестные и клятвопреступники, готовые изменять ради блеска золота, то вы и нам такими же стать советуете. Скажу поэтому: иудино окаянство — такое желание! От него же избавь, Боже, нашу душу и все христианские души. Ибо как Иуда ради золота предал Христа, так и вы, ради наслаждений мира сего, о душах своих забыв и нарушив присягу, предали православное христианство и нас, своих государей.

В церквах же, яко же ты лжеш, сия нѣсть было. Се убо, якоже выше рѣхъ, сего ради повинныя прияха казнь по своимъ винамъ, а не якоже ты лжеш, неподобне измѣнниковъ и блудниковъ нарицаеши мученики и ихъ кровь побѣдоносну и святу, и намъ супротивныхъ сильными нарицаю, и отступниковъ нашихъ воеводами нарицаешъ; доброхотство же ихъ и души ихъ полагания за насъ — сия вся изъявленна есть, якоже выше рѣхъ. И не можеш реци, яко и нынѣ облыгание есть, но сия ихъ измѣны всей вселеннѣй вѣдомы, аще восхощеши, и в варварскихъ языцехъ увѣси и самовидцовъ симъ злымъ дѣяннемъ можеш обрести, иже куплю творящимъ в нашемъ царствии и в посолственныхъ приходящихъ приходящимъ. Но сия убо быша. Нынѣ же убо *встѣмъ*, иже в вашемъ согласии *бывшимъ*, всякого блага и свободы наслаждающимся и богатѣющимъ, и никакая же имъ злоба первая поминается, в первомъ своемъ достоянии и чести суще. (...)

В церквах же, вопреки лжи твоей, ничего подобного не было. Как я сказал выше, виновные понесли наказание по своим проступкам, а не так все было, как ты лжешь, неподобающим образом называя изменников и блудников — мучениками, а кровь их — победоносной и святой, и наших врагов именуя сильными, и отступников наших — воеводами; только что я рассказал, каково их доброжелательство и как они за нас полагают души. И не можешь сказать, что теперь мы клеветаем, ибо измена их известна всему миру: если захочешь, сможешь найти свидетелей этих злодейств даже среди варваров, приходящих к нам по торговым и посольским делам. Так это было. Ныне же даже те, кто был в согласии с вами, наслаждаются всеми благами и свободой и богатеют, им не вспоминают их прежних поступков, и они пребывают в прежней чести и богатстве.<...>

Свѣта же во тму *прилагати* не тшуся и сладкое горко не прозываю. А се ли убо свѣтъ или сладко, еже рабомъ владѣти? А се ли тма и горко, еже от Бога данному государю владѣти, о немже многа слова пространнѣйше напреду изъясненна? (...)

Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по твоему, свет и сладость, если рабы господствуют? И тьма и горечь ли это, если господствует данный Богом государь, как подробно написано выше?<...>

О провинении же и прогнѣвании подвластныхъ нашихъ перед нами. Доселе русские владатели не истязуемы были ни от кого, но волны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кѣмъ; аще же и подобаесть речи о винахъ ихъ, ино выше реченно есть. (...)

О вине нашихъ подданныхъ и нашемъ гнѣве на нихъ. До сихъ поръ русские властители ни передъ кемъ не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своихъ подданныхъ, а не судились с ними ни передъ кемъ; но если и подобаесть поведать о винахъ ихъ, об этомъ сказано выше.<...>

А еже писалъ еси, что бутто тѣ предстатели прегордые царства разорили и подручны намъ *ихъ* во всемъ сотворили, у нихъже прежде в работѣ были праотцы ваши, — се убо разумно есть, еже едино царство Казанское; *от* Дажитархани^[98] же, неже близъ вашихъ мысли было, не точию дѣло бранно. И еже о сей храбрости свѣше начну обличати безумие. Како убо, гордостию дмяся, хвалишися! Како убо прародителемъ вашимъ и отцомъ вашимъ и дядемъ, в каковѣ разумѣ и храбрости суще и помысла попечения, яко вся ваша храбрость и мудрость ни къ единому ихъ сонному видѣнью подобно, и такие храбрые и мудрые люди, никѣмъже понуждаемы, но своимъ хотѣниемъ и бранной храбрости хотимыя, не якоже вы, еже понуждаемы на рать и о семъ скорбяще; и такие храбрые тринадцать лѣтъ до нашего возраста не могоша от варваръ христіанъ защитити? По апостолу Павлу *реку*^[99]: быхъ вамъ подобенъ безумиемъ хваляся, понеже вы мя понудисте, власть бо приемлете, безумнии, аще кто вы *поедаетъ*, аще кто в лице биетъ, аще кто величится; по досажению глаголю. Всѣмъ убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша от варваръ православнии, — от Крыма и *от* Казани: до полуземли пусто бяше. И егда начало восприяхомъ зъ Божиею помощію, еже брани на варвары, егда первое послахомъ на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинсково^[100] с товарищи, како вы всѣ глаголали есте, яко мы в опалѣ своей послали, казнити его хотя, а не своего для дѣла. Ино се ли храбрость, еже служба ставити в опалу? И тако ли *покаряти* прегордые царства? Та же сколько хождения ни бывало в Казанскую землю, когда не с понуждениемъ хотѣния ходисте? Но всегда аки на бѣдное хождение ходисте! Егда же Богъ милосердіе свое яви намъ, и тотъ родъ варварскій христіанству покори, и тогда како вы не хотѣсте с нами воевати на варвары, яко боле пятнадцать тысячъ вашего ради нехотѣния тогда с нами не быша.^[101] И тако ли прегордые царства разоряете, еже народъ безумными глаголы *наушати* и от брани отвращати, подобно Янушу Угорскому?^[102] Также и в тамошнемъ пребывании всегда развращенная совѣтовасте, и егда *запасы* истопоша, како три дни стоявъ, хотѣсте восвоиса возвратитися! И повсегда не хотѣсте во мнозе бо пребывании подобна времени ждати, *ниже* главъ своя щадяще, *ниже* бранныя

побѣды сматряюще, точию: или побѣдивъ наскоре или побѣжденнымъ бывшимъ, и скорѣйши во своя возвратитися. Та же и воины многоподобные возвращения ради скорого остависте, еже последи от сего много пролития крови християнския бысть. Како же убо и в самое взятие града, аще бы не удержалъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не в подобно время брань начати? Тако же убо по взятии града Божиимъ милосердиемъ, вы же убо вмѣсто строения на грабление текосте! Тако ли убо прегордые царства разоряти, еже убо ты, безумиемъ дмяся, хвалишися? Еже ни единыя похвалы, аще истинно рещи, достойно есть, понеже вся, яко раби, с понужениемъ сотвористе, а не хотѣниемъ паче же с роптаниемъ. Се убо похвално есть, еже хотѣниемъ желанія брани творити. Подручна же тако царствія сия сотвористе намъ, якоже множае седми лѣтъ меже сихъ царствъ и нашего государствія бранная лютость не преста!

А что ты писал, будто эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства, под властью которых были ваши предки, то это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве; под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были. А насчет бранной храбрости снова могу тебя обличить в неразумии. Что ты хвалишься, надуваясь от гордости! Ведь предки ваши, отцы и дяди были так мудры и храбры и заботились о деле, что ваша храбрость и смекалка разве что во сне могут с их достоинствами сравниться, и шли в бой эти храбрые и мудрые люди не по принуждению, а по собственной воле, охваченные бранным пылом, не так, как вы, силою влекомые на бой и скорбящие об этом; и такие храбрые люди в течение тринадцати лет до нашего возмужания не смогли защититъ христиан от варваров? Скажу словами апостола Павла: «Уподобился я вам, безумием хвалясь, потому что вы меня к этому принудили, ибо вы, безумные, принимаете власть, если вас губят, если в лицо бьют, если превозносятся; я говорю это с досадой». Всем ведь известно, как жестоко пострадали православные от варваров — и от Крыма, и от Казани: почти половина земли пустовала. А когда мы воцарились и, с Божьей помощью, начали войну с варварами, когда в первый раз послали на Казанскую землю своего воеводу, князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, как вы все заговорили, что мы посылаем его в знак немилости, желая его наказать, а не ради дела. Какая же это храбрость, если вы равняете службу с опалой? Так ли следует покорять прегордые царства? Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению? Но всегда словно в тяжкий путь отправлялись! Когда же Бог проявил к нам милосердие и покориł христианству варварский народ, то и тогда вы настолько не хотели воевать с нами против варваров, что из-за вашего нежелания к нам не явилось более пятнадцати тысяч человек! Тем ли вы разрушаете прегордые царства, что внушаете народу безумные мысли и отговариваете его от битвы, подобно Янушу Венгерскому? Ведь и тогда, когда мы были там, вы все время давали вредные советы, а когда запасы утонули, предлагали вернуться, пробыв три дня! И никогда вы не соглашались потратить лишнее время, чтобы дожидаться благоприятных обстоятельств, ни голов своих не щадя, ни о победе в бою не помышляя, а стремились только к одному: либо быстрее победить, либо быть побежденными, только бы поскорее вернуться восвояси. Ради скорейшего возвращения вы не взяли с собой самых лучших воинов, из-за чего потом было

пролито много христианской крови. А разве при взятии города вы не собирались, если бы я вас не удержал, понапрасну погубить православное воинство, начав битву в неподходящее время? Когда же город по Божьему милосердию был взят, вы не занялись установлением порядка, а устремились грабить! Таково ли покорение прегордых царств, которым ты, кичась, неразумно хвалишься? Никакой похвалы оно, по правде говоря, не стоит, ибо все это вы совершили не по желанию, а как рабы — по принуждению и даже с ропотом. Достоин похвалы, когда воюют по собственному побуждению. И так подчинили вы нам эти царства, что более семи лет между ними и нашим государством не прекращались ожесточенные боевые стычки!

Егда же Алексѣева и ваша собацкая власть преста, тогда и та царствия нашему государству во всемъ послушны *учинишася*, и множае треюдесять тысящъ бранныхъ исходитъ в помощь [\[103\]](#) православию. Тако убо вы прегордые царства разорjali и подручны намъ сотворjali! Также и нашъ промысль и попечение о православи и тако «супротивень разумъ», по твоему злобесовскому умышлению! И сие убо о Казани, о Крыме же и на пустыхъ мѣстехъ, идѣже звѣрие бяху, грады и села устроиша. Что же убо и ваша побѣда, *еже Днепромъ и Дономъ?* [\[104\]](#) И колика убо злая истощения и пагуба христианомъ содеяшася, супротивнымъ же ни малыя досады! О Иване же Шереметеве [\[105\]](#) что изглаголю? Еже по вашему злосовѣтiю, а не по нашему хотѣнiю, *случися такая пагуба православному христианству*. Се убо такова ваша доброхотная служба, и тако прегордые царства разоряете и подручны сотворяете, якоже выше явихомъ.

Когда же кончилась ваша с Алексеем собачья власть, тогда и эти царства нам во всем подчинились, и теперь оттуда приходит на помощь православию больше тридцати тысяч воинов. Так-то вы громили и подчиняли нам прегордые царства! И вот так заботимся и печемся о христианстве мы, и таков «сопротивен разум», по твоему злобесному умышлению! Это все о Казани, а на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села. А чего стоит ваша победа на Днепре и на Дону? Сколько же злых лишений и пагубы вы причинили христианам, а врагам — никакого вреда! Об Иване же Шереметеве что скажу? Из-за вашего злого совета, а не по нашей воле, случилась эта беда православному христианству. Такова ваша усердная служба, и так вы разрушаете и подчиняете нам прегордые царства, как я уже описал выше.

О германскихъ же градахъ глаголешъ, яко тцаниемъ разума измѣнниковъ нашихъ от Бога даны намъ. Но, якоже научень еси от отца своего диявола лжею глаголати и писати! Како убо, егда начася брань, еже на германь, тогда посылали есмя слугу своего, царя Шихалея, и боярина своего и воеводу, князя Михаила Василевича Глинсково, [\[106\]](#) с товарищи германь воевати, и от того времени от попа Селивестра и от Алексѣя и от васъ какова отягчения словесная пострадахъ, ихже нѣсть мощно подробну изглаголати! Еже какова скорбная ни сотворися намъ, то вся сия германь ради случися! Егда же васъ послахомъ на лѣто на германские грады, — тебѣ бо тогда сущу въ нашей вотчине, во Пскове, своя ради potrzeby, а не нашимъ посланиемъ, — множае убо седми посланниковъ послали есмя к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичю Шуйскому, и к тебѣ; вы же егда пойдосте с малѣйшими

людми, и нашимъ многимъ посланиемъ напомниманиемъ множае *пятнадцать* градовъ взяте. [107] Ино се ли убо тцание разума вашего, еже нашимъ посланиемъ напомниманиемъ грады взяте, а не по своему разуму? Како же убо воспомяну о германскихъ градѣхъ супротивословия попа Селивестра и Алексия Адашова и всѣхъ васъ на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо лукаваго ради напомнимание датцкого короля [108] лѣто цѣло дасте *безлена* фивлянтомъ збиратися! Они же, пришедъ предъ зимнимъ временемъ, и сколько тогда народу христианского погубили! [109] Се ли тцание измѣнниковъ нашихъ, да и васъ благо, еже тако народъ христианский погубляти! По томъ же послахомъ васъ с начальникомъ вашимъ Алексѣемъ и zelo со многими людми; вы же едва одинъ Вельянь взяте, [110] и туто много *народу* нашего погубисте. Какоже убо тогда от литовские рати дѣтскими страшили устрашистесь! [111] Под Пайду же нашимъ повелѣниемъ неволею пойдосте, и каковъ трудъ воиномъ сотвористе и ничтоже успѣсте! [112] Тако убо тцание разума и тако ли убо претвердые грады германские тцались утвержати? И аще не бы ваша злобесная претыкания была, и з Божиею помощию уже бы вся Германия была за православиемъ. [113] Та же отголе литаонский языкъ и готфѣйский и ина множайшая воздвигосте на православие. Се убо «тцание разума вашего» и тако хотисте утвержати православие?

О германскихъ городахъ говоришь, будто они достались намъ по Божьей воле благодаря мудрости нашихъ изменниковъ. Но какъ же ты научился отъ отца своего, дьявола, говорить и писать ложь! Вспомни, когда началась война с германцами и мы послали своего слугу царя Шигалея и своего боярина и воеводу Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, то сколько мы слышали тогда укоризненныхъ словъ отъ попа Сильвестра, отъ Алексея и отъ васъ — невозможно и пересказать подробно! Все что ни случилось с нами плохого, все это происходило из-за германцев! Когда же мы послали васъ на годъ против германскихъ городовъ (ты былъ тогда в нашей вотчине, во Пскове, ради собственныхъ нужд, а не по нашему поручению), намъ пришлось более семи разъ посылать гонцовъ къ боярину нашему и воеводе, къ князю Петру Ивановичу Шуйскому, и къ тебе, лишь тогда вы наконецъ пошли с небольшимъ числомъ людей и после многихъ нашихъ напомниманий взяли свыше пятнадцати городовъ. Это ли ваше старание, если вы берете города после нашихъ посланий и напомниманий, а не по собственному стремлению? Какъ не вспомнить постоянные возражения попа Сильвестра, Алексея Адашева и всехъ васъ противъ похода на германские города и какъ из-за коварнаго предложенаго короля датскаго вы дали ливонцамъ возможность целый годъ собирать силы! Они же, напавъ на насъ передъ зимнимъ временемъ, сколько христианскаго народа перебили! Это ли старания изменниковъ нашихъ да и ваше добро — губить христианскій народъ! Потомъ мы послали васъ с вашимъ начальникомъ Алексеемъ и со множествомъ воиновъ; вы же едва взяли одинъ Вильянь и при этомъ еще погубили много нашего народа. Какъ же вы тогда испугались литовскихъ войскъ, словно малые дети! А подъ Пайду же вы пошли нехотя, по нашему приказу, измучили войска и ничего не добились! Это ли ваши старания, такъ-то вы старались завладеть претвердыми германскими городами? Если бы не ваше злобесное сопротивление, то с Божьей помощию уже вся Германия была бы подъ православными. Тогда же вы подняли противъ православныхъ литовскій народъ и

готский, и многие другие. Это ли «старания разума вашего» и так-то вы стремились укреплять православие?

А всеродно васъ не погубляемъ, а измѣнникомъ бо вездѣ казнь и опала живеть: в кою землю поѣхалъ еси, тамо о семъ пространнѣйше явленна увѣси. За такие ваши послуги, еже выше рѣхъ, достойны были есте многихъ казней и опалы; но мы еще с милостию вамъ опалу свою чинили, аще бы по твоему достоинству, и ты бы к недругу нашему от насъ не уехалъ, и в такомъ бы еси в далекомъ граде нашемъ не былъ, и утекания было тебѣ сотворити не возможно, коли бы мы тебѣ в томъ не вѣрили. И мы, тебѣ вѣря, в ту свою вотчину послали, и ты такъ собацкимъ обычаемъ измѣну свою учинилъ.

А всеми родами мы вас не истребляем, но изменников повсюду ожидают расправа и немилость: в той стране, куда ты поехал, узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны многих казней и опалы; но мы еще милостиво вас наказали, — если бы мы наказали тебя так, как следовало, то ты бы не смог уехать от нас к нашему врагу; если бы мы тебе не доверяли, то не был бы отправлен в наш окраинный город и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в ту свою вотчину, и ты по собачьему обычаю изменил нам.

Безсмертенъ же быти не мнюся, понеже смерть адамский грѣхъ, общедателный долгъ всѣмъ человѣкомъ; аще бо и перфиру ношу, но обаче вѣмъ се, яко по всему немощию подобно всѣмъ человѣкомъ обложенъ есмь по естеству, а не яко же вы мудрствуете, выше естества велите быти ми, от ереси же всякой. (...)

Бессмертным себя я не считаю, ибо смерть — общий удел всех людей за адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но, однако, знаю, что по природе я так же подвержен немощам, как и все люди, а не так, как вы еретически мудрствуете и велите мне стать выше законов естества.<...>

Гонения же аще на людей воскладаете: вы ли убо с попомъ и с Алексѣемъ не гонили? Како убо епископа коломенского Феодосия, [114] намъ совѣтна, народу града Коломны повелѣсте камениемъ побити? И его Богъ ублюде, и вы его со престола согнали. Что же о казначее нашемъ Миките Афонасиевиче? [115] Про что животъ напрасно разграбисте, самого же в заточение много лѣтъ в далныхъ странахъ во алчбе и наготе держали есте? И аще убо вся гонения ваша исчести кто доволенъ за множество ихъ, церковныхъ же и мирскихъ! Хто мало намъ принесетъ послушание, тѣхъ всѣхъ гонисте. (...)

Вы обвиняете в гонениях на людей, а вы с попом и Алексеем не совершали гонений? Разве вы не приказали народу города Коломны побить камнями нашего советчика, епископа коломенского Феодосия? Но Бог сохранил его, и тогда вы согнали его с престола. А что сказать о нашем казначее Никите Афанасьевиче? Зачем вы разграбили все его имущество, а самого его много лет держали в заточении в отдаленных землях, в голоде и нищете? Разве сможет кто полностью перечислить ваши гонения на церковных и мирских людей, так много их было! Все, кто хоть немного оставались покорными нам, подвергались от вас притеснениям.<...>

Зла же гонения безлѣпа от мене не приялъ еси, и бѣдъ и напастей на тебе не подвигли есмь; а кое наказание малое бывало на тебѣ, ино то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими измѣнники. А лжей и измѣнъ, ихже не сотворилъ еси, на тебя не взваживали есмь; а которые свои преступки дѣлалъ, и мы по тѣмъ твоимъ винамъ по томъ и наказание тебѣ чинили. Аще ты нашихъ опаль, за множество ихъ, не можеша изрещи, како же убо вся вселенная исписати можетъ вашихъ измѣнъ и утеснений, земскихъ и особныхъ, еже вы злобесовскимъ умышлениемъ сотвористе на мя? (...) *Злую* же и непримирительную ненависть кою воздохомъ тебѣ? Видящи тя отовсюду от юности твоей и во дворении нашемъ, и в синклитстве, и до нынѣшня твоей измѣны всячески дышуще на пагубу нашу, и достойныхъ мукъ по твоему злоумию не воздохомъ. Се ли убо зло и непримирительная ненависть, еже видяще тя о главѣ нашей *злая* совѣтующа и в каковѣ приближении и чести и многоимствѣ держажомъ, выше отца твоего. Ежели вси вѣдять, в каковѣ чести и богатствѣ родители твои жили и како убо отецъ твой, князь Михайло, в каковемъ жаловании и в богатствѣ и чести былъ. Се вси вѣдять, како же пред нимъ ты и сколько у отца твоего начальниковъ поселяномъ, колико же у тебя. Отецъ твой былъ князя Михайла Кубенского бояринъ, понеже онъ ему дядя, [116] ты же нашъ — мы тебя сие чести сподобихомъ. Се ли убо не *довольно* чести и имѣния и воздания? Всѣмъ еси былъ лутчи отца своего нашимъ жалованиемъ, а храброваниемъ его худъши *еси*, измѣною прешель еси. И аще таковъ еси, почему недоволенъ еси? Се ли убо твое благое возлюбление, еже повсегда сѣти и претыкания намъ поляцалъ еси, конечнее же подобно *Иуде* на пагубу нашу поучался еси?

Зла же и гонения несправедливого ты от меня не претерпел, бед и напастей мы на тебя не навлекли, а если какое-нибудь небольшое наказание и было, то лишь за твое преступление, ибо ты вступил в сговор с изменившими нам. Не возводили мы на тебя ложных наветов и не приписывали тебе измен, которых ты не совершал; за твои же действительные проступки мы возлагали на тебя наказание, соответствующее вине. Если же ты не можешь пересказать всех наших наказаний из-за множества их, то может ли вся вселенная перечислить ваши измены и притеснения в государственных и частных делах, которые вы причинили мне по вашему злобесному умыслу?<...> Какую же я имел к тебе лютую и непримиримую ненависть? Знали мы тебя с юности твоей, при нашем дворе и в совете, и еще до нынешней твоей измены ты всячески пытаешься нас погубить, но мы не подвергли тебя наказаниям, которые ты заслужил своим злоумием. Это ли наша злоба и непримиримая ненависть, если, зная, что ты замышляешь против нас зло, мы держали тебя подле себя в чести и в благоденствии, каких не удостаивался и твой отец. Ведь нам известно, в какой чести и богатстве жили твои родители и какие пожалования, богатство и почести имел твой отец, князь Михайло. Все знают, каков ты по сравнению с ним, сколько было у твоего отца управителей по селам и сколько у тебя. Отец твой был боярином князя Михаила Кубенского, ибо он приходился ему дядей, ты же был нашим боярином: мы удостоили тебя этой чести. Разве недостаточно было тебе почестей, богатства и наград? Нашими милостями ты был облагодетельствован больше, чем твой отец, а в храбрости уступал ему и в отличие

от него совершил измену. Но если ты таков, чем же ты недоволен? Это ли твое добро и любовь к нам, если ты всегда тщательно расставлял против нас сети и препятствия и, подобно Иуде, готовился нас погубить?

И аще кровь твоя, пролитая от иноплеменных за насъ, по твоему безумию, вопиетъ на насъ к Богу, и еже убо не от насъ пролитая, тѣмъ же убо смѣху подлежитъ сия; еже убо от иного пролитая и на иного вопиетъ, паче же и должная отечеству сие совершилъ еси, аще бы сего не сотворил еси, то не бы еси былъ христианинъ, но варваръ; и сие к намъ неприлично. Колми же паче наша кровь на васъ вопиетъ к Богу, от васъ самѣхъ пролитая: не ранами же, ниже кровными потоки, но многими поты, и трудовъ множества от васъ прияхъ и отячтения безлѣпа, яко по премногу от васъ отяготихомся паче силы! От многоаго вашего озлобления и оскорбления и утеснения, вмѣсто крови, много излишася нашихъ слезъ и воздыхания и стенания сердечная, и от сего бо пречреслие прияхъ, еже убо и конечному люблению не сподобисте мя, еже о царицѣ нашей и о чадахъ нашихъ не поскорбѣсте со мною. Се убо все на вы вопиетъ к Богу моему; паче вашего безумия, понеже убо иное за православие пролияли есте кровь свою, ина же, желая чести и богатства. И сие убо Богови неприятно есть; паче же удавлению вмѣняется, еже славы ради умерети. Мое же утеснение — вмѣсто крови пролитыя от васъ самѣхъ прияхъ всякое оскорбление и озлобление, еже вашимъ злымъ съяннемъ оскорбления строптиваго жития не престанетъ, се убо напаче на васъ безпрестани вопиетъ къ Богу! Совесть же *свою* испыталъ еси не истинно, но лестно, сего ради истинны не обрѣлъ еси, понеже о единомъ войсце испыталъ еси, а еже убо о нашей главѣ твоего нечестия, се презрѣлъ еси; по сему мнишся и неповиненъ быти.

А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая руками иноплеменников ради нас, вопиет на нас к Богу, то, раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнил свой долг перед отечеством, и мы тут ни при чем; ведь если бы ты этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Насколько сильнее вопиет на вас наша кровь, пролитая из-за вас: не из ран и не потоки крови, но немалый пот, пролитый мною во многих непосильных трудах и ненужных тяготах, произошедших по вашей вине! Пусть не кровь, но немало слез было пролито из-за чинимого вами зла, оскорблений и притеснения, сколько вздыхал я в скорби сердечной, сколько перенес из-за этого поношений, ибо вы не возлюбили меня и не печалились вместе со мной о нашей царице и детях. И это вопиет на вас к Богу моему: несравнимо это с вашим безумием, ибо одно дело пролить кровь за православие, а другое — желая чести и богатства. Такая жертва Богу негодна; он скорее простит удавившегося, чем погибшего ради тщеславия. Моя же обида и то, что вместо пролития крови я перенес от вас всякие оскорбления и нападки; все, что было посеяно вашей стропливой злобой, не перестает жить и непрестанно вопиет на вас к Богу! Совесть же свою ты вопрошал не искренне, а лживо, и потому не нашел истины, думая только о военных подвигах, а о бесчестии, нанесенном нам, не пожелал вспомнить; поэтому ты и считаешь себя неповинным.

«Побѣды же пресвѣтлыя и одолѣние преславное» когда сотворилъ еси? Егда убо послахомъ тя въ свою вотчину, в Казань, непослушныхъ намъ повинити, [\[117\]](#) ты же, в

повинныхъ мѣсто, неповинныхъ к намъ привелъ еси, измѣну на нихъ возложа, а на нихже послахомъ тя, никоегоже имъ зла сотворилъ еси. Егда же в нашу вотчину, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ, крымской царь, [118] и мы тогда васъ послахомъ, оному же утравившуся и во своя возвратившуся, воеводамъ же его, Ак-магметъ-улану не со многими людми оставшуся; вы же поѣхасте ясти и пити к воеводе нашему, ко князю Григорию Темкину, и ѣдши, пойдосте за ними, они же от васъ отоидоша здравы. Аще убо вы раны многи претерпѣсте, но обаче побѣды благи никоеяже сотвористе. Како же убо под градомъ нашимъ Невлемъ пятнадцатъ тысящъ четырехъ тысящъ не могосте побити, [119] и не токмо убо побѣдисте, но и сами от нихъ язвлени едва возвратистесь, симъ ничтоже успѣвшимъ? Се ли убо пресвѣтлая побѣда и одолѣние преславно и похвално и честно? Иная же убо не твоей власти бяху — сия убо тебе на похвалу и не вписуется!

Какие же «победы пресветлые» ты совершал и когда ты «преславно одолевал»? Когда мы послали тебя в нашу вотчину, в Казань, привести к повиновению непослушных, ты вместо виноватых привел к нам невинных, обвиняя их в измене, а тем, против кого ты был послан, не причинил никакого вреда. Когда наш недруг, крымский царь, приходил к нашей вотчине Туле, мы послали вас против него, но царь утравился и вернулся назад, и остался только его воевода Ак-Магомет-улан с немногими людми; вы же поехали есть и пить к нашему воеводе, князю Григорию Темкину, и только после пира отправились за ними, а они уже ушли от вас целы и невредимы. Если вы и получили при этом многие раны, то никакой славной победы не одержали. А как же под городом нашим Невелем с пятнадцатю тысячами человек вы не смогли победить четыре тысячи, и не только не победили, но сами от них, израненные, едва спаслись, ничего не добившись? Это ли пресветлая победа и славное одоление, достойные похвалы и чести? А иное свершилось без твоего участия — это тебе в похвалу и не ставится!

А еже убо мало рождышия своя зрель еси и жены своя позналъ еси и отечествия своего осталъ еси, и всегда в далноконныхъ градѣхъ нашихъ противъ враговъ нашихъ ополчался еси, и претерпевалъ еси естественныя болѣзни, и ранами учащенъ еси от варварскихъ рукъ в различныхъ бранехъ, и сокрушенно же ранами все тѣло имѣешь, — и сия тебѣ вся сотворишася тогда, егда вы с попомъ и со Алексѣемъ владѣсте. И аще не годно, почто тако сотворили есте? Аще же творили есте, почто самъ сотворивъ своею властью, на насъ словеса съкладаете? Аще же и мы бы сие сотворили, сие нѣсть дивно, понеже бо сие должно нашему повелѣнию в нашемъ служении быти. И аще бы мужъ браненоносецъ былъ, не бы еси исчиталъ бранные труды, но паче на *преднейшей* простиралъ ся; аще ли же исчитаеши бранные труды, то сего ради бегунъ явился еси, яко не хотя бранныхъ трудовъ понести, и сего ради покоя требовати похотѣлъ еси. Сия же твоя худѣйшая браненоносия намъ ни во что же поставленна есть, еже вѣдомыя измѣны твоя и еже претыкания о нашей главѣ тебе презрѣнна быша, и яко единъ от вѣрнѣйшихъ слугъ нашихъ былъ еси славою и честию и богатствомъ? И аще бы не тако, то какихъ казней за свою злобу достоинъ былъ еси! И аще бы не было на тебѣ нашего милосердия, не бы возможно было тебѣ угонзнути к нашему недругу, толко бы наше гонение тако было, якоже по твоему злобесному разуму писалъ еси. Бранныя же дѣла твои всѣ намъ вѣдомы. Не мни мя

неразумна суца, ниже разумомъ младенчествующа, яко же начальницы ваши, попь Селивестръ и Алексѣй Адашовъ, неподобно глаголали. Ниже мните мя дѣтскими страшили утрашити, якоже прежде того с попомъ Селивестромъ [120] и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прелстисте мя, ниже мните, якоже таковая и нынѣ сотворили. Якоже в притчахъ реченно бысть: «Егоже не можеша няти, не покушайся имати».

А что ты мало видел свою родительницу и мало знал жену, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальноконных городах, страдал от болезни и много ран получил от варварских рук в боях, и все тело твое изранено, — то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и с Алексеем. Если вам это не нравилось, зачем вы так делали? А если делали, то зачем, сотворив по своей воле, возлагаете вину на нас? А если мы так и поступали, то в этом нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению. Если бы ты был воинственным мужем, то не считал бы свои бранные подвиги, а искал бы новых; потому ты и перечисляешь свои бранные деяния, что оказался беглецом, не стремясь к бранным подвигам, а ища покоя. Разве же мы не оценили твоих ничтожных ратных подвигов, если даже пренебрегли известными нам твоими изменами и противодействиями, и ты был среди наших вернейших слуг в славе, в чести и в богатстве? Если бы было не так, то каких бы казней за свою злобу был бы ты достоин! И если бы не наше милосердие к тебе, и если бы, как ты писал в своем злобесном письме, подвергался ты гонению, то тебе не удалось бы убежать к нашему недругу. Твои воинские подвиги нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей Адашев. И не надейтесь запугать меня, как пугают детей и как прежде обманывали меня с попом Сильвестром и Алексеем благодаря своей хитрости, и не надейтесь, что и теперь это вам удастся. Как сказано в притчах: «Чего не можешь взять, не пытайся и брать».

Мздовоздателя Бога призываешь; воистинну то есть всѣмъ мздовоздатель всякимъ дѣломъ, благимъ же и злымъ; но токмо подобаетъ челоуѣку разсуждение имѣти, како и противу какихъ дѣлъ своихъ кто мздовоздаянїя приемлетъ? Лице же свое показуеши драго. Кто бо убо и желаетъ такового эфиопскаго лица видѣти? Гдѣ же убо кто обрящетъ мужа правдива, *иже зыкры очи имуща?* [121] Понеже видъ твой и злодукавый твой нравъ исповѣдуетъ! (...)

Ты взываешь к Богу, мзду воздающему; поистине он справедливо воздает за всякие дела — добрые и злые, но только следует каждому человеку поразмыслить: какого и за какие дела он заслуживает воздаяния? А лицо свое ты высоко ценишь. Но кто же захочет такое эфиопское лицо видеть? Встречал ли кто-либо честного человека, у которого голубые глаза? Ведь даже облик твой выдает твой коварный нрав!<...>

О преподобномъ же князе Феодоре Ростиславиче вспомянулъ еси, — сего азъ на судъ желателне приемлю, аще и сродникъ вамъ есть, понеже бо святїи видятъ паче по смерти праведне сотворити, и видятъ межи нами и вами яже от начала и до днесь, и то убо праведно разсудятъ. И еже убо нашу царицу Анастасию, вами уподобляемую Евдоксе, [122] како супротиво вашего желателнаго *младо*

немилосердаго умышления и хотѣния святыи преподобный князь Феодоръ Ростиславичъ, дѣйствомъ Святаго Духа, царицу нашу от вратъ смертныхъ воздвигъ?^[123] И се убо наипаче явленна есть, яко не вамъ способствуетъ, но намъ, недостойнымъ, милость свою спростираетъ. Также и нынѣ уповаемъ способника его быти намъ паче неже вамъ, понеже «чада Авраамля аще были, то и дѣла Авраамля бысте творили; можетъ бо Богу и от камени сего воздвигнути чада Аврааму; не вси бо, изшедшии из Авраама, сѣмя Авраамле причитаются, но живущии по вѣре Авраамовѣ, сии суть сѣмя Авраамле».^[124]

Ты напомнил о святом Федоре Ростиславиче — с охотой принимаю его в судьи, хотя он вам и родственник, ибо святые знают, как и после смерти творить добро, и видят, что было между вами и нами от начала и донныне, и поэтому рассудят справедливо. А как, вопреки вашим злым немилосердным замыслам и желаниям, святой преподобный князь Федор Ростиславич действием Святого Духа поднял бывшую уже у врат смертных нашу царицу Анастасию, которую вы уподобляли Евдокии? И из этого особенно явствует, что он не вам помогает, а нам, недостойным, оказывает свою милость. Вот и теперъ мы надеемся, что он будет помогать больше нам, чем вам, ибо «если бы вы были детьми Авраама, то творили бы дела Авраама, а Бог может и из камней сотворить детей Аврааму; ведь не все, произошедшие от Авраама, считаются его потомством, но только те, кто живет в вере Авраама».

Суетными же мыслями ничегоже помышляемъ, ни творимъ, на такой ползѣ и степени ногъ своихъ не утвержаемъ; но, елика наша сила, крѣпчайша разума испытумъ бо, на твердей степени утвердивъ ноги своя, стоимъ неподвижно.

По суетным же замыслам мы ничего не решаем и не делаем и на зыбкое основание не становимся ногами своими, но насколько у нас хватает сил стремимся к твердым решениям и, опершись ногами в прочное основание, стоим неколебимо.

Прогнанных же от насъ нѣсть никогоже, развѣ сами от православия отторгошася. Избиенныя же и заточенныя по своимъ винамъ, якоже выше рѣхомъ, по тому тако и прияша. (...)

Никого мы из своей земли не изгоняли, кроме тех, кто изменил православию. Убитые же и заточенные, как я сказал выше, получили наказание по своей вине.<...>

Ни о чемъ же убо хвалюся в гордости, и никако же убо гордѣния желаю, понеже убо свое царское содеваю и выше себе ничтоже творю. Паче убо вы гордитесь дмѣщаяся, понеже раби суще святителский санъ и царский восхищаете, учаще, и запрещающе, и повелевающе. На родъ же кристіянскій мучителныхъ сосудовъ не умышляемъ, но паче за нихъ желаемъ противу всѣхъ врагъ ихъ не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подовластныхъ же своихъ благимъ убо благая подаваемъ, злымъ же злая приносятся наказания, не хотя, ни желая, но по нужде, ихъ ради злаго преступления и наказание бывает. (...)

Ничем я не горжусь и не хвастаюсь и ни о какой гордости не помышляю, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил. Скорее, это вы надуваетесь от гордости, ибо, будучи рабами, присваиваете себе святительский и

царский сан, поучая, запрещая и повелевая. Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти. Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, не желая этого, но по необходимости, по злым их преступлениям им и наказание следует.<...>

От Кроновых же убо жерцехъ рекль еси — еже подобно псу лая иль ядъ ехиднинъ отрыгая, сие неподобно писалъ еси: еже убо родителемъ своимъ чадомъ како сицевая неудобствия творити, паче же и намъ, царемъ, разумъ имущимъ, како уклонитися на сие, безлѣпие творити? Сия убо вся злобеснымъ своимъ собацкимъ умышлениемъ писалъ еси.

Насчет Кроновых жрецов ты писал нелепости, лая, подобно псу, или изрыгая яд, подобно ехидне: родители не станут причинять своим детям таких страданий — как же мы, цари, имеющие разум, можем впасть в такое нечестие? Все это ты писал по своему злобесному собачьему умыслу.

А еже свое писание хочещи с собою во гробъ положити, се убо послѣднее христианство свое отложилъ еси. И еже убо Господу повелѣвшу еже не противитися злу, ты же убо и обычное, еже и невѣжда имуть, конечное прощение отвергль еси; и по сему же нѣсть подобно и пѣнию над тобою быти.

А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как обычно поступают даже невежды; поэтому над тобой не следует совершать и последнего отпевания.

В нашей же вотчинѣ, в Вифлянской землѣ, градъ Володимеръ^[125] недруга нашего Жигимонта короля нарицаеши, — се убо свою злобесную собацкую измѣну до конца совершаеши. А еже от него надѣешися много пожалованъ быти, — се убо подобно есть, понеже убо не хотѣсте под Божию десницею власти его быти, и от Бога даннымъ намъ, владыкамъ своимъ, послушнымъ и повиннымъ быти нашего повелѣния, — но в самовольстве самовластно жити. Сего ради такова и государя себѣ обрѣлъ еси, еже по своему злобесному собацкому хотѣнию, еже ничимъже собою владѣюща, но паче худѣйша худѣйшихъ рабъ суца, понеже от всѣхъ повелеваемъ есть, а не самъ повелевая. Понеже и утѣшенъ не можещи быти, понеже тамъ особь кождо о своемъ попечении имѣя.^[126] Кто убо можетъ избавити тя от насильныхъ рукъ и от обидящаго восхитити тя возможеть, иже сиру и вдовице суду не внемлюще, ихъже вы, желающе на христианство злая, составляете! (...)

Город Владимир, находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле, ты называешь владением нашего недруга, короля Сигизмунда, чем окончательно обнаруживаешь свою собачью измену. А если ты надеешься получить от него многие пожалования, то это так и должно, ибо вы не захотели жить под властью Бога и нас, данных Богом государей, слушать и повиноваться нам, а захотели жить по своей воле. Поэтому ты и нашел себе такого государя, который — как и следует по твоему злобесному собачьему желанию — ничем сам не управляет, но хуже последнего раба — от всех получает приказания, а сам никем не повелевает. Но ты не найдешь себе там

утешения, ибо там каждый о себе заботится. Кто оградит тебя от насилий или защитит от обидчиков, если даже сиротам и вдовицам не внемлет суд, что вы, желающие для христианства бед, творите! <...>

Дана во всеобщей российской царствующего православного града Москвы степени честного порога [127] крепкая заповѣдь и слово то лѣто от создания миру 7072-го, июля въ 5 день.

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России, в 7072 году от создания мира, июля в 5 день (5 июля 1564 г.).

[1] ...царю Константину... — Константин Флавий I (307—337), византийский император, сделавший христианство государственной религией.

[2] ...Владимира Мономаха, иже от грекъ высокодостоинѣйшую честь приимшу... — Иван IV опирается на публицистические памятники начала XVI в. («Послание о Мономаховом венце», «Сказание о князьях Владимирских»), утверждавшие, что киевский князь Владимир Мономах (1113—1125) получил «шапку Мономаха» и другие царские регалии от своих византийских предков.

[3] ...хваламъ достойнаго великаго государя Димитрия... — Дмитрий Донской (1359—1389).

[4] Исавръ, Гноетезный, Арменинь — византийские императоры-иконоборцы: Лев III Исавр, Константин Копроним (т. е. «Навозоименный», по-древнерусски «Гноетезный») (оба — VIII в.), Лев V Армянин (IX в.).

[5] ...быти ярославскому владыце... — Курбский именовал себя князем ярославским в связи с тем, что род его вел происхождение от ярославских князей.

[6] ...друзи и служебники... — Грозный обращается не только к Курбскому, но и к другим «крестопреступникам», разделяя их на две категории — «друзей» Курбского и «служебников». К друзьям он причислял таких, например, эмигрантов, как князья-рюриковичи Заболоцкие, к слугам — подлинных слуг Курбского (братья Калыметы и др.) и, вероятно, независимых, но не знатных лиц, как Тимоха Тетерин, Марк Сарыгозин и т. п. Послам указывалось, что упрекать за «измену» следует только Курбского и других «радных», а «худому излаяв, да плюнути в глаза».

[7] ...мняще насъ аки безплотныхъ быти... — Грозный обвиняет Курбского и его сподвижников в «наватской» ереси (ереси Навата, или Новициана, III в. н. э.), требовавшей от людей, чтобы они были выше (нравственной) «человеческого естества».

[8] ...на германы и литаоны... — Имеется в виду Ливонская война (с 1558 г.) и война с Польско-Литовским государством (с 1560 г.).

[9] ...нѣсть християнь... — Иван IV не признавал подлинным христианством ни господствующее в Польше и Литве католичество, ни возникшую в Ливонии и польско-литовских землях протестантскую (реформационную) церковь.

[10] ...литовская брань учинилася вашею измѣною и недоброхотствомъ и нерадѣниемъ... — Грозный считал, что вмешательство Польско-Литовского государства в Ливонскую войну в конце 1559 г. было вызвано задержкой в военных действиях из-за нежелания «Избранной рады» вести Ливонскую войну.

[11] «Иже имѣя... него». — Мф. 25, 29.

[12] ...убоялся еси неповинныя смерти... — В первых дипломатических посланиях после бегства Курбского царь утверждал, что собирался только «понаказати» и «посмирити» Курбского, но позднее он признавался, что намеревался его казнить.

[13] «Всяка душа... противится». — Рим. 13, 1—2.

[14] «Раби... но и за совесть». — См. Еф. 6, 5—7; 1 Пет. 2, 18; Рим. 13, 5.

[15] Се бо есть... пострадали. — Ср. 1 Пет. 3, 17.

[16] ...уподобися еси семеню... и возрастшему... — Ср. Лк. 8, 6.

[17] ...живь Господь... душа моя... — Ср. 1 Цар. 20, 3.

[18] ...раба своего Васки Шибанова? — Слуга Курбского Василий Шибанов был, согласно летописи XVI в., «поиман» (арестован) после бегства его господина — очевидно, где-то в пограничных местах, откуда бежал Курбский; летописец утверждает также, что Шибанов «сказал... князя Ондreja изменные дела». Однако в послании сам царь пишет, что Шибанов «не отвержеся» Курбского даже перед

лицом смерти. Уже в 30-х гг. XVII в. на одном из списков послания Курбского была сделана помета, что Курбский писал к царю «с человеком своим с Васкою Шибановым»; в конце XVII в. в Латухинской Степенной книге появился рассказ о том, как Шибанов доставил Ивану IV и публично прочел на «красном крыльце» в Кремле письмо Курбского (на этом рассказе основана известная баллада А. К. Толстого «Василий Шибанов»). Будучи пленником, публично вручать царю послание Шибанов не мог.

[19] *«Умякнуша словеса... стрѣлы»*. — Пс. 54, 22.

[20] *«супротивнымъ, разумѣваяй совесть прокаженну имущу»*... — Слова Курбского из Первого послания Ивану Грозному.

[21] *«нарицаемаго попа»*... — Речь идет о протопопе кремлевского Благовещенского собора Сильвестре, одном из руководителей «Избранной рады».

[22] *«играмъ бытие»*... — Очевидно, оправдание в скоморошеских «играх», которые были запрещены Стоглавым собором, но устраивались при дворе (за отказ от участия в одной из таких игр был убит, по известию Курбского, князь М. П. Репнин).

[23] *«Алексьемъ»*... — Алексей Федорович Адашев, руководитель «Избранной рады».

[24] *«яко братию... имущу»*... — Ср. 2 Фес. 3, 15.

[25] *Лѣствицикъ* — Иоанн Лествичник, монах и церковный писатель VI в., автор «Лествицы» (Лестницы), наставления о монашеской жизни.

[26] *«не в Тимохину версту»*... — Тимофей-Тихон Тетерин-Пухов, насильственно постриженный в Сийском монастыре и сбежавший в конце 50-х—начале 60-х гг. в Литву, как и Курбский, в посланиях на Русь обличал политику Ивана Грозного.

[27] *«Овехъ убо... восхищающе»*. — Иуд. 1, 22—23.

[28] *«великого Константина: како... сына своего... убить есть»*. — Император Константин I казнил в 326 г. своего сына Криспа.

[29] *«Феодоръ Ростиславичъ»*... — В 1298 г. осаждал Смоленск.

[30] *«злодѣйственный совѣтъ»*... — Речь идет, вероятно, о событиях во время болезни царя в 1553 г.

[31] Стр. 30—32. *«Се вѣсть вы... разжгосте»*. — Ис. 50, 11.

[32] *«Нѣсть... змиевы»*... — Сир. 25, 17.

[33] *«от попа невѣжи»*... — Речь идет опять о Сильвестре.

[34] *«во грѣсехъ царствие погубиша и туркомъ повинующимся?»* — Подобно публицисту середины XV в. Ивану Пересветову, Иван IV объясняет завоевание Византии турками в XV веке слабостью царской (императорской) власти, особенно подчеркивая отрицательную роль «попов» в управлении (Пересветов отводил главную роль «вельможам»). Далее в доказательство этой идеи Иван IV приводил целый очерк византийской истории.

[35] *«Моисея, яко царя... Аарону, брату его, повелѣть священствовати»*... — Ссылка на библейские рассказы о разделении правления и священства между Моисеем и Аароном. Далее следует ряд аналогичных примеров из библейской истории.

[36] *«градоначалницы и местоблюстители»*... — Речь идет о наместническом управлении («наместники» в уездах и «волостели» в волостях), существовавшем до 50-х гг. XVI в. Наместники получали определенную территорию в «кормление» (для собственного обеспечения): их административные функции прямо и неприкрыто связывались с получением дохода. Реформами «Избранной рады» 50-х гг. наместничество было в основном отменено.

[37] *«с Авимелехомъ оженимыя Гедеоновы... избиха семдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ»*... — Имеется в виду библейский рассказ о смерти царя Гедеона, захвате его царства незаконным сыном Авимелехом и убийстве законных сыновей Гедеона.

[38] *«егда убо въ яйца мѣсто... камень?»* — Не совсем точная цитата: Лк. 11, 11 —12.

[39] *«со княземъ Андреемъ Углецкимъ»*... — Князь Андрей Углицкий, брат деда Ивана Грозного (Ивана III), был заточен в 1491 г. по обвинению в измене и умер в заточении.

[40] *«с великимъ княземъ Дмитриемъ внукомъ»*... — Внук Ивана III Дмитрий Иванович был в 1498 г. коронован «шапкой Мономаха» как наследник и соправитель деда, но в 1502 г. при неизвестных обстоятельствах низложен и заточен вместе с матерью (через несколько лет был убит); наследником Ивана III стал его второй сын Василий Иванович (отец Ивана Грозного).

[41] *«матери твоей дѣды»*... — Предки Курбского по матери, Тучковы, занимали видное место при дворе деда и отца Ивана IV.

- [42] ...*еже писалъ еси...* — Далее следуют неточная цитата из Первого послания Курбского и развернутый ответ на нее.
- [43] «*Вы отца вашего... и отецъ его*». — Ин. 8, 44.
- [44] ...*ниже ипаты и стратиги...* — Ипат (упат) (греч.) — правитель, консул; стратиг (греч.) — начальник, военачальник.
- [45] ...*подобно зеркалу... каковъ бѣ...* — Ср. Иак. 1, 23—24.
- [46] ...*«истидъ глухий... сокрушилъ естъ»...* — Ср. Пс. 57, 5—7.
- [47] ...*великий государь Василей... преиде на небесная...* — Василий III умер в 1533 г.
- [48] ...*святопочившимъ Георгиемъ*. — Младший брат Ивана IV, Юрий, умер в 1563 г.
- [49] ...*литаонска, и поляковъ, и перекопий, тарханей и нагай, и казани...* — В правление матери Ивана IV Елены Глинской Русское государство не раз подвергалось нападениям. В 1535 г. в результате заговора в Казани вместо московского ставленника ханом стал крымский ставленник Сафа-Гирей; Елене пришлось признать его. Крымские («перекопские») ханы совершали отдельные набеги, но внутренние смуты не давали возможности крымцам начать большую войну. В Астрахани («Тархане») произошел государственный переворот, и ханом вместо дружественного России Абдэль-Рахмана стал Дербьш-Али. Ногайская орда, расположенная между средним и нижним течением Волги и р. Яиком, также обнаруживала в 1534—1535 гг. признаки враждебности. О столкновениях с Польско-Литовским государством см. следующий коммент.
- [50] ...*князь Семень Бѣлской да Иванъ Ляцкой...* — Бегство С. Ф. Бельского и окольничего И. В. Ляцкого к польскому королю Сигизмунду I относится к 1534 г. С 1534 г. шла война с Польско-Литовским государством, но уже в 1536—1537 гг. начались переговоры о перемирии. Не удовлетворенный таким ходом войны, С. Ф. Бельский отправился в Константинополь, вступил в переговоры с султаном и в 1536 г. ходил с турецко-крымскими войсками на Русь.
- [51] ...*якоже Ахитофель...* — Иван IV имеет в виду библейский рассказ о выступлении против царя Давида царевича Авессалома по наущению его советника Ахитофела.
- [52] ...*дядю нашего, князя Андрея Ивановича...* — Заговор князя Андрея Старицкого, брата Василия III, относится к 1537 г.; Андрей пытался поднять против Елены помещиков, служивших в Новгороде, но не достиг успеха и был вынужден сдаться.
- [53] ...*твой братъ, князь Иванъ князь Семеновъ сынъ, князь Петрова Головы Романовича...* — Грозный называет имена предков ярославского князя Ивана Семеновича (об участии которого в заговоре Андрея Старицкого других известий нет), чтобы подчеркнуть его родство с Андреем Курбским.
- [54] *Радогощъ, Стародубъ, Гомей* — были взяты войсками Сигизмунда I в 1534—1535 гг.
- [55] ...*царице Елене, прехти от земнаго царствія на небесное...* — Мать Ивана IV Елена Васильевна умерла в апреле 1538 г.; по известиям иностранцев, она была отравлена.
- [56] ...*князь Василей и князь Иванъ Шуйские самоволствомъ у меня в бережении учинилися...* — Осенью 1538 г. двум виднейшим представителям рода Шуйских — Василию Васильевичу (вскоре умершему) и Ивану Васильевичу — удалось добиться падения своего главного соперника И. Ф. Бельского.
- [57] ...*главные измѣнники... ихъ выпускали...* — Родич И. В. Шуйского Андрей Шуйский (арестованный в связи с заговором Андрея Старицкого) был освобожден еще весной 1538 г., сразу после смерти Елены Васильевны и ареста Овчины-Телепнева (тогда же был освобожден и И. Ф. Бельский).
- [58] ...*дьяка ближнего Федора Мишурина... позоровавши убили...* — Мишурин был казнен в октябре 1538 г.
- [59] ...*и Данила митрополита, сведше с митрополи, и в заточение послаша...* — Митрополит Даниил лишился митрополичьего престола в феврале 1539 г.; его преемником стал бывший троицкий игумен Иоасаф.
- [60] ...*Ивана Василевича Шуйского от себя отослалъ... велѣлъ быти... Ивану Федоровичю Бѣлскому.* — И. Ф. Бельский, вновь арестованный осенью 1538 г., был освобожден «из нятства» летом 1540 г.; спустя год И. В. Шуйский был отправлен на воеводство во Владимир и к власти пришел И. Ф. Бельский. Едва ли видную роль в этих событиях играл Иван IV, ибо ему было тогда 10 лет.
- [61] ...*князь Иванъ Шуйской... пришьель ратию к Москве...* — Новая победа Шуйских и арест И. Ф. Бельского относятся к январю 1542 г.
- [62] ...*Кубенские и иные...* — Дворецкий Иван Кубенский и его брат Михаил, родичи Курбских, выступали во время «боярского правления» и на стороне Шуйских, и на стороне Бельских.

- [63] ...*сослали на Белоезеро и убили...* — И. Ф. Бельский был убит на Белоозере в мае 1542 г.
- [64] ...*митрополита Иоасафа с великимъ безчестиемъ с митрополии согнаша.* — Свержение Иоасафа произошло во время переворота в январе 1542 г.; преемником его стал в марте того же года новгородский архиепископ Макарий.
- [65] ...*Андрей Шуйской...* — После смерти своего родича И. В. Шуйского (май 1542 г.) стал главным представителем рода Шуйских.
- [66] ...*Федора Семеновича Воронцова...* — Ф. С. Воронцов, углицкий дворецкий, представитель старомосковского боярского служилого рода, был, очевидно, приближенным малолетнего Ивана IV; описание попытки его убийства и последующих событий в послании Грозного близко к описанию в официальном Лицевом летописном своде, составленном, возможно, при участии царя.
- [67] ...*боярь своихъ, Ивана да Василия Григорьевичевъ Морозовыхъ...* — Морозовы, как и Воронцовы, были представителями старомосковских служилых бояр.
- [68] ...*шесть лѣтъ и полъ...* — Грозный считал, что период «боярского правления» длился с начала 1538 по конец 1543 г., когда по приказу юного царя был схвачен и убит псарями А. М. Шуйский. Фактически в последующие годы власть находилась в руках родичей матери Ивана IV — Глинских.
- [69] ...*научиша народъ скудожайшихъ умомъ...* — Пожар и народное восстание в Москве произошли в июне 1547 г. В официальном Лицевом своде вдохновителями восстания, направленного против Глинских, названы благовещенский протопоп Бармин, князь Ф. И. Шуйский, князь Ю. И. Темкин-Ростовский, бояре И. П. Федоров и Г. Ю. Захарьин и др. Однако Лицевой свод (в частности его последний том — Царственная книга) был составлен через несколько десятков лет после этих событий, когда все названные лица уже умерли (в большинстве — насильственной смертью). В других источниках восстание описывается как восстание «черных людей», вставших «вечьем».
- [70] ...*князя Юрья Василевича Глинсково...* — Речь идет о дяде царя; мать его, бабка Ивана IV Анна Глинская, обвиненная в колдовстве в связи с пожарами, осталась жива.
- [71] ...*церковь Пречистые Богородицы...* — Успенский собор.
- [72] ...*сельъ Воробьевъ...* — «По кличу палача» народ во время восстания пришел в подмосковное село Воробьево (на Воробьевых горах); в послании Стоглавому собору 1551 г. царь писал, что «от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моа».
- [73] *Князь Михаил* — М. Л. Глинский, старший из дядьев царя, игравший видную роль в управлении страной.
- [74] ...*Ивань Святый...* — Колокольня Ивана Лествичника (Ивана Великого) в Кремле.
- [75] *«Аще царство... царство то».* — Мк. 3, 24.
- [76] ...*собаке, Алексию Адашову... не вѣмъ, какимъ обычаемъ из батожниковъ водворившася...* — Грозный преувеличивает незнатность Алексея Адашева. В действительности Адашевы представляли собой костромской дворянский род; уже отец Алексея, Федор Адашев, выполнял ответственные поручения царя.
- [77] ...*попа Силвестра...* — Сменивший замешанного в событиях 1547 г. протопопа кремлевского Благовещенского собора Ф. Бармина, Сильвестр был выходцем из Новгорода; он был связан с митрополитом Макарием.
- [78] ...*якоже Илия жрецъ...* — Первосвященник, захвативший, согласно библейскому рассказу, власть в период после правления ряда судей.
- [79] ...*собрахомъ... весь освященный соборъ русския митрополии...* — Речь идет, очевидно, об «освященном» соборе в феврале 1549 г., на котором впервые была провозглашена программа реформ (будущих реформ «Избранной рады»).
- [80] ...*вотчины вѣтру подобно раздавали неподобно...* — Характеристика политики «Избранной рады», данная царем в послании, крайне тенденциозна и противоречит документальным источникам. В 1550 г. было объявлено о так называемом «испомещении тысячи» детей боярских под Москвой; в 1551 г. издан закон, запрещающий передачу княжеских вотчин в монастыри.
- [81] ...*князя Дмитрея Курлятева...* — Князь Д. И. Курлятев, получивший боярское звание в 1549 г., входил в Ближнюю думу и был одним из главных деятелей «Избранной рады»; в начале 60-х гг. подвергся опале вместе с А. Адашевым.
- [82] ...*бояромъ нашимъ, по нашему жалованию честю и предъданиемъ почтеннымъ быти...* — Царь, по-видимому, обвинял «Избранную раду» в том, что она брала на себя разрешение местнических споров. Однако в действительности в 1549 г. был издан закон противоположного характера, регламентировавший и ограничивавший местнические счета в войске.

- [83] *...со крестоносною хоругвию... движемся на безбожный языкъ казанский...* — Речь идет о походе 23 августа 1552 г., когда «велел государь хоругви крестьянские розвертети» (ПСРЛ. М., 1965. Т. XXIX. С. 95); в октябре 1552 г. Казань была взята.
- [84] *...сына Димитрия...* — Дмитрий, первый из сыновей Ивана IV (от Анастасии Романовой), носивший это имя, родился в 1553 г. (спустя год, в 1554 г., он умер).
- [85] *...намъ же немощию одержымымъ бывшимъ... возшаташася яко пиянии, с попомъ Селивестромъ и с начальникомъ вашимъ Алексьемъ Адашовымъ...* — События, произошедшие во время болезни царя в 1553 г., описываются в послании Ивана IV и других источниках по-разному. В наиболее раннем официальном летописном рассказе ни о каких спорах во время болезни не сообщается, но в приписке к этому рассказу (в Лицевом своде) говорится, что царь требовал присяги малолетнему сыну, а ряд бояр выступил против этого. Однако эти обвинения были выдвинуты уже позже, в 60-х гг., а непосредственно после 1553 г. лица, обвиняемые в этой приписке в «мятеже у царевой постели», сохраняли влияние и никаким преследованиям не подвергались.
- [86] *...князя Володимера...* — Речь идет о двоюродном брате царя князе Владимире Старицком, сыне заточенного и погибшего в правление Елены Глинской Андрея Старицкого. В стремлении возвести на престол Владимира Андреевича более поздний летописный рассказ обвинял князей Щенятева, Пронского, Лобанова-Ростовского, а также Сильвестра, Палецкого, Курлятева и Фуникова.
- [87] *...во вѣншихъ писаниихъ древнихъ реченно есть...* — Далее приводятся слова Александра Македонского из сербской «Александрии», переводного романа конца XV в.
- [88] *...царицу Анастасию...* — Анастасия, дочь Романа Юрьевича Захарьина, представителя старомосковского нетитулованного боярства, стала женой Ивана IV и царицей в 1547 г. Царь обвинял Адашева и его сторонников во враждебности к царице, ибо Адашевы боролись с Захарьиными-Юрьевыми в 50-х гг.
- [89] *...ростовской князь Семень... пану Станиславу Давойну... нашу думу изнестъ...* — Тайные переговоры между князем Семеном Лобановым-Ростовским и литовским послом Довойно могли происходить летом 1553 г., когда приезжал этот посол. В «Книге Посольского двора», № 4 (1549—1558 гг.) и наиболее раннем летописном рассказе говорилось, что Семен Ростовский «хотел бежати» за границу «от малоумства». В переписке к Лицевому своду упоминается тайный заговор, затеянный С. Ростовским и другими представителями крупного княжья; следователями по этому делу названы Д. Курлятев, Н. Фуников и Д. Палецкий — то есть люди, которых более поздняя приписка объявила противниками присяги во время царевой болезни.
- [90] *...с Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицково.* — Судя по сообщению царя в его Втором послании Курбскому, судебная тяжба возникла из-за земли, принадлежавшей князьям Прозоровским и отписанной на малолетнего царевича Федора (родился в 1557 г.); Сицкий был женат на сестре царицы Анастасии и защищал, очевидно, интересы царевича.
- [91] *...наченишь войнѣ, еже на германы...* — Война с Ливонией началась в январе 1558 г.
- [92] *...попу же Силивестру... о томъ на насъ люте належаше...* — По-видимому, Сильвестр и другие деятели «Избранной рады» были противниками ведения большой войны в Прибалтике, отстаивая другое направление русской внешней политики — войну на юге с Крымом.
- [93] *...с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска... путное прехождение?* — В конце 1559 г. царю, находившемуся в Можайске с больной царицей, пришлось срочно выехать в Москву; в 1560 г. царица умерла.
- [94] *...сыскавъ измѣны собаки Алексья Адашова... милостивно ему свой гнѣвъ учинили...* — А. Адашев был отправлен летом 1560 г. в Ливонию, затем сослан в Юрьев (Тарту), где и умер; царь подозревал его в самоубийстве.
- [95] *...попу же Селивестру... благословне отпустившимъ...* — Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь около 1560 г.
- [96] *...чаду его сотворихъ... во благоденстве пребывати...* — Сын Сильвестра Анфим был послан дьяком в Смоленск в 1561 г.
- [97] *...повинные по своей винѣ таково судъ прияли.* — Царь имеет в виду, очевидно, расправу над сторонниками «Избранной рады» — насильственное пострижение Д. Курлятева, казнь брата А. Адашева Даниила и других его родичей, а также опалу князей Воротынских и др. в 1562 г.
- [98] *...Дажитархани...* — Очевидно, Хаджи-Тархан (Астрахань). В присоединении Астрахани в 1557 г. Курбский сколько-нибудь видной роли не играл.
- [99] *По апостолу Павлу реку...* — Ср. Деян. 10, 26.

- [100] ...князя *Семена Ивановича Микулинского*... — Поход С. И. Пункова-Микулинского на Казань относится к 1545 г.
- [101] ...*боле пятнадцать тысяць... тогда с нами не быша*. — Грозный имеет в виду так называемых «нетчиков» — лиц, не явившихся во время похода 1552 г. на Казань; царь приказывал «отписывать поместья» у таких «нетчиков».
- [102] ...*Янушу Угорскому?* — Венгерского магната Яна Заполю, ставшего в 1526 г. королем Венгрии после гибели в бою с турками юного Людовика Ягеллона, обвиняли в предательстве по отношению к Людовику.
- [103] ...*множае треюдесять тысяць бранныхъ исходитъ в помощь...* — О включении Грозным после взятия Казани и Астрахани в свое войско «неодолимой силы татар» писали и современники-иностранцы.
- [104] ...*ваша побѣда, еже Днепромъ и Дономъ?* — Походы на Днепр и Дон в 1558—1559 гг. против крымского хана, возглавлявшиеся перешедшим на русскую службу украинским магнатом, основателем Запорожской Сечи, Дмитрием Вишневецким и Даниилом Адашевым, несмотря на военные успехи, ни к чему не привели.
- [105] ...*О Иване же Шереметева*... — Речь идет о походе И. В. Шереметева в 1555 г. на крымцев.
- [106] ...*посылали... царя Шихалея... и воеводу, князя Михаила Василевича Глинского*... — Поход на Ливонию бывшего казанского хана Шах-Али и М. В. Глинского происходил в начале 1558 г.
- [107] ...*ко князю Петру Ивановичю Шуйскому, и к тебѣ... множае пятнадцать градовъ взясте*. — А. М. Курбский и П. И. Шуйский вступили в Ливонию со стороны Пскова в июле 1558 г. и завоевали Новгородок Ливонский (Нейшлос), Юрьев (Тарту) и ряд других городов.
- [108] ...*лукаваго ради напоминание датцкого короля*... — В марте 1559 г. Иван IV «для королева челобитья Датского» согласился на перемирие в Ливонии (до ноября). Перемирие было использовано ливонцами для обращения к германскому императору, польскому королю и другим западным государям за помощью.
- [109] ...*пред зимнимъ временемъ, и сколько тогда народу християнского погубили!* — В октябре—ноябре 1559 г., еще до истечения срока перемирия, войска нового ливонского магистра Кетлера, признавшего власть польского короля, напали на русские войска вблизи Юрьева; узнав об этом, Иван IV срочно выехал с больной царицей из Можайска в Москву.
- [110] ...*вы же едва одинъ Вельянь взясте*... — В августе 1560 г. русские войска взяли крупную ливонскую крепость Феллин (Вильянди); русскими военачальниками были в это время А. Адашев и А. Курбский.
- [111] ...*от литовские рати дѣтскими страшилы устрашестеся!* — Вероятно, речь идет о потере русскими и взятии польско-литовскими войсками в начале 1561 г. города Тарваса (Тарвасту) с помощью подкопа.
- [112] *Под Пайдю... ничто же устѣсте!* — Осада русскими войсками города Пайды (Пайде, Вайссенштейн) в конце 1560 г. окончилась неудачей; в конце концов город был взят шведами.
- [113] ...*уже бы вся Германия была за православиемъ*. — На собрании представителей Германской Римской империи («депутационстаг») в октябре 1560 г. ряд князей высказал ту же мысль о возможности завоевания Иваном IV Мекленбурга, Пруссии и других германских земель.
- [114] ...*епископа коломенского Феодосия*... — Феодосий был епископом коломенским с 1542 г.; о «гонениях» на него при «Избранной раде» других сведений нет.
- [115] ...*о казначее нашемъ Миките Афонасевиче?* — Речь идет о Н. А. Фуникове-Курцеве, удаленном в середине 50-х гг. из Казенного приказа (в «Дворовой тетради» тех лет около его имени помета: «в опале») и ставшем первым казначеем лишь в 1560—1561 гг. По-видимому, Н. А. Фуников был сторонником Захарьиных и находился в немилости у Сильвестра и Адашева.
- [116] *Отець твой былъ князя Михайла Кубенского бояринъ, понеже онъ ему дядя*... — Князья Кубенские, как и Курбские, — потомки ярославских князей; утверждение Ивана IV, что М. М. Курбский был боярином М. И. Кубенского, — обычное для него преувеличение; в местнических счетах Курбский и Кубенский занимали равное место.
- [117] ...*послахомъ ты въ свою вотчину, в Казань, непослушныхъ намъ повинити*... — Речь идет об участии Курбского в подавлении восстания в Казанском царстве в 1553—1554 гг. Воеводы привели «большой полон», но царь, стремившийся привлечь татарскую знать на службу, был недоволен излишней жестокостью этой «карательной экспедиции».

- [118] *...на Тулу, недругъ нашъ приходилъ крымской царь...* — Поход крымцев на Тулу происходил в 1552 г.; воевода Г. И. Темкин-Ростовский и другие военачальники «поехали к государю» и пришли в Тулу через 3 часа после ухода хана; отпор крымцам дало само население города.
- [119] *...под... Невлемъ пятьюнадесять тысящъ четырехъ тысящъ не могосте побити...* — В августе 1562 г. польско-литовские войска напали на русскую пограничную крепость Невель; в этом сражении Курбский был ранен. Об этой неудаче русских войск сообщают и польские источники.
- [120] *Ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашити, якоже прежде того с попомъ Селивестромъ...* — Это обвинение царя против Сильвестра подтверждается и словами Курбского в его «Истории», что Сильвестр «пущал», воздействуя на царя, «ужасновение... для детских неистовых его нравов».
- [121] *...кто обряцетъ мужа правдива, иже зыкры очи имуща?* — Правильно, вероятно, «зекры» (голубые), как читается в одном из списков другой редакции. Заявление Грозного о нежелании видеть «ефиопского лица» Курбского — не простая полемическая грубость, а отражение средневековой физиономистики, предостерегавшей против людей с «зекрыми» глазами («Тайная тайных»).
- [122] *...вами уподобляемую Евдоксе...* — Императрица Евдокия, супруга византийского императора Аркадия (конец IV—начало V в.), гонительница виднейшего церковного деятеля Иоанна Златоуста.
- [123] *...князь Феодоръ Ростиславичъ... царицу нашу от вратъ смертныхъ воздвигъ?* — Речь идет об обращении больной царицы Анастасии к мощам князя Федора Ярославского, предка Курбского.
- [124] *...чада Авраамля... стѣмя Авраамле.* — Цитаты из: Ин. 8, 39; Мф. 3, 9; Рим. 9, 7; Гал. 3, 7.
- [125] *В нашей же вотчинѣ, в Вифлянской землѣ, градъ Володимерь...* — Город Владимир Ливонский (Вольмар, Валмиера), который, как и всю Ливонию, царь считал своей «вотчиной», находился с 1559 г. под властью польского короля Сигизмунда II Августа. Курбский назвал его в своем послании «градом государя моего, Августа Жигимонта»; Грозный видел в этом еще одно доказательство его «собацкой измены».
- [126] *...тамъ особъ кождо о своемъ попечении имѣя.* — Грозный имеет в виду Польско-Литовское государство, где короли, власть которых утверждалась сеймом, были, по его представлениям, «худейша худейших раб» и не могли повелевать и заботиться о своих подданных.
- [127] *...степени честнаго порога...* — Это выражение, как и в посланиях шведскому королю Юхану III, должно было подчеркивать высокий ранг русских государей.